

ДЬЯВОЛ
НОСИТ
PRADA

ЛОРЕН
ВАЙСБЕРГЕР

Дьявол носит Prada

Лорен Вайсбергер
Дьявол носит Prada

«АСТ»

2002

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Coe)-44

Вайсбергер Л.

Дьявол носит Prada / Л. Вайсбергер — «АСТ»,
2002 — (Дьявол носит Prada)

ISBN 978-5-17-083590-4

Работа в журнале мод... Мечта любой женщины? Кошмар любой женщины! Добро пожаловать в ад «под глянцевой обложкой»!!! Кофе? Всегда холодный и невкусный! Дизайнерские шмотки со скидкой? Вышли из моды в позапрошлом сезоне! Работа в неурочное время? О личной жизни можно забыть! Но все бы ничего, если бы не начальница — легендарнейшая из стерв мира от-кутюр, то ли продавшая за успех душу дьяволу, то ли (по слухам) изгнанная из ада за невозможный характер!..

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-083590-4

© Вайсбергер Л., 2002
© АСТ, 2002

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	41
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лорен Вайсбергер Дьявол носит «Прада»

Серия «Дьявол носит Prada»

Lauren Weisberger
THE DEVIL WEARS PRADA

Перевод с английского М.Д. Малкова и Т.Н. Шабоевой

Серийное оформление и компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш

Печатается с разрешения автора при содействии литературного агентства International Creative Management, Inc.

© Lauren Weisberger, 2002

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ПРОЛОГ

На перекрестке Семнадцатой авеню и Бродвея еще не загорелся зеленый сигнал светофора, а целая орава нахальных желтых такси уже с ревом двинулась мимо меня, не обращая ни малейшего внимания на мои бесплодные попытки совладать с автомобилем. Сцепление, газ, теперь переключить скорость (с нейтральной на первую? или с первой на вторую?), отпустить сцепление». Я снова и снова мысленно твердила заклинание, которое очень мало успокаивало и еще менее могло служить руководством к действию среди ревущего потока машин. Маленький автомобильчик дважды взбрыкнул и, вильнув, рванул через перекресток. Сердце у меня так и подпрыгнуло. Внезапно ход машины выровнялся, и я начала набирать скорость. Да еще как набирать. Я посмотрела вниз, желая убедиться, что действительно включила вторую передачу, – но багажник идущей впереди машины вдруг вырос до угрожающих размеров, мне оставалось только вдавить в пол педаль тормоза – и у меня сломался каблук. Вот черт! Еще одна пара туфель стоимостью семьсот долларов принесена в жертву моему полнейшему неумению изящно разрешать трудные ситуации: уже третий случай за этот месяц. Я испытала почти облегчение, когда машина стала (похоже, во время отчаянного торможения я упустила из виду сцепление). У меня было несколько секунд – вполне спокойных, если не принимать во внимание раздраженное гудение и всяческие вариации со словом «мать», обрушившиеся на меня со всех сторон, – чтобы снять искалеченные туфли от Маноло и швырнуть их на заднее сиденье. Нечем было вытереть потные ладони – разве только о замшевые брюки от Гуччи, которые обхватывали мои бедра так туго, что ноги затекали через несколько минут после того, как я застегивала последнюю кнопку. Мокрые пальцы оставили полосы на мягкой замше. В самый час пик, в центре города, на каждом шагу таящем в себе опасности, я пыталась управлять автомобилем стоимостью восемьдесят четыре тысячи долларов, автомобилем с откидным верхом и механической коробкой передач – тут было не обойтись без сигареты.

– Эй, детка, вали отсюда к чертовой матери! – надрывался смуглый водитель с таким обилием волос на груди, что они торчали из-под майки. – Что тебе здесь, гребаная автошкола? Уйди с дороги!

Я показала ему трясущуюся руку с оттопыренным средним пальцем и больше не обращала на него внимания. Меня занимало одно: как в кратчайший срок наполнить свои сосуды никотином. Ладони у меня опять взмокли, и спички постоянно выскальзывали из пальцев. Зеленый свет загорелся как раз в тот момент, когда я поднесла-таки пламя к кончику сигареты. Сжимая сигарету губами, я вновь попыталась повторить загадочную последовательность действий: сцепление, газ, теперь переключить скорость (с нейтральной на первую? или с первой на вторую?), отпустить сцепление, – при этом с каждым вдохом я глотала дым. Мне пришлось проехать еще три квартала, пока движение машины не стало достаточно ровным, только после этого я могла убрать сигарету, – но было уже слишком поздно: ее длинный хрупкий сгоревший кончик обрушился прямо на темную полосу на моих замшевых брюках. Зрелище весьма плачевное. Но прежде чем я успела осознать, что, считая с туфлями от Маноло, меньше чем за три минуты испортила вещей на три тысячи сто долларов, громко заблеял мобильник. И хотя жизнь в самой своей глубинной сути в этот момент и так каза-

лась отвратительной, определитель подтвердил худшее, что я только могла предположить: это была она. Миранда Пристли. Мой босс.

– Ан-дре-а! Ан-дре-а! Вы слышите меня, Ан-дре-а? – заверещала она в тот момент, как я открыла свою «Моторолу», что потребовало немалой ловкости, ведь мои руки и ноги (босые) были заняты выполнением разнообразных водительских функций. Плечом я прижала телефон к уху и швырнула за окно сигарету, чуть не попав в курьера на велосипеде, и, перед тем как унести вперед, он несколько раз крайне неоригинально проорал «твою мать».

– Да, Миранда, я слышу вас очень хорошо.

– Ан-дре-а, где моя машина? Вы уже поставили ее в гараж?

Впереди наконец-то зажегся благословенный красный свет, и, похоже, собирался гореть достаточно долго. Автомобиль вздрогнул и остановился, не ударившись ни о кого и ни обо что. Я с облегчением вздохнула:

– Я сейчас как раз в машине, Миранда; через пару минут буду в гараже.

Подумав, что она, возможно, беспокоится о том, все ли в порядке, я постаралась уверить ее, что нет никаких проблем и мы с машиной вот-вот прибудем – обе в отличном состоянии.

– Вот еще что, – резко сказала она, оборвав меня на полуслове, – заберите Митци и отвезите ее ко мне домой, перед тем как вернетесь в офис.

Щелк. Телефон замолчал, и я тупо уставилась на него. До меня не сразу дошло, что она повесила трубку вполне сознательно, поскольку, с ее точки зрения, я получила всю необходимую информацию. Митци. Кто эта чертова Митци? Где она сейчас может быть? Известно ли ей, что я должна ее забрать? Зачем ее надо везти домой к Миранде? И с какой стати Миранда, у которой есть шофер, экономка и няня, взвалила эту заботу на меня?

Вспомнив, что в Нью-Йорке за рулем запрещено говорить по мобильнику, и вполне понимая, что последнее, что мне сейчас нужно, – это столкнуться с каким-нибудь не в меру усердным копом, я перестроилась в правый ряд и включила аварийку. «Вдох-выдох», – я не позволяла себе расслабиться и даже вспомнила, что перед тем, как оттянуть рычаг ручного тормоза, следует убрать ногу с педали ножного. Давненько я не водила автомобиль с механической коробкой передач, а точнее, уже пять лет, с тех пор как в колледже один приятель по собственной инициативе одолжил мне свою машину для нескольких занятий по вождению, на которых я – чего уж греха таить – потерпела полный крах. Но похоже, Миранда вовсе не задумывалась об этом, когда полтора часа назад позвала меня в свой кабинет.

– Ан-дре-а, нужно забрать мою машину и перегнать ее в гараж. Займитесь этим сейчас же. Она понадобится нам сегодня вечером для поездки в Хэмптон. Это все.

Я словно приросла к полу, стоя перед ее чудовищных размеров столом, но она уже не замечала меня. Или так мне казалось.

– Это все, Ан-дре-а. Сделайте это как можно скорее, – добавила она, даже не взглянув на меня.

«Ну конечно, это ведь Миранда», – думала я, выйдя из ее кабинета и пытаясь уяснить, с чего надо начать выполнение поручения, несомненно, таящего в себе тысячи подвохов. Выходило так, что сначала нужно было найти место, откуда следовало забрать машину. Скорее всего она находилась в автосервисе. Но это мог быть любой из миллиона автосервисов в одном из пяти районов Нью-Йорка. Могло быть и так, что Миранда одолжила автомобиль подруге и теперь он занимал тепленькое местечко в гараже со всеми удобствами где-нибудь на Парк-авеню. Ну и конечно, не исключено, что она имела в виду какую-то новую машину – неизвестной марки, – которую только что приобрела и которую еще не успели перегнать к ней домой из автосалона (опять же неизвестного). Мне предстояла отличная работка.

Я начала с того, что позвонила няне детей Миранды, но там работал автоответчик. Следующей по списку была экономка, и это оказалось то, что нужно. Выяснилось, что речь шла не о новой машине неизвестной марки, а о зеленом спортивном авто с откидным верхом, которое обычно стоит в гараже возле дома Миранды. Но экономка понятия не имела, какой она марки и где может находиться. Следующей по списку была секретарша мужа Миранды, которая сообщила, что, насколько ей известно, чета владеет ультрасовременным черным джипом «линкольн-навигатор» и вроде бы еще маленьким зеленым «порше». То, что надо! Я нашла ниточку. После звонка в автосалон «Порше» на Одиннадцатой авеню между Двадцать седьмой и Двадцать восьмой улицами выяснилось, что да, они только что закончили покраску зеленого кабриолета «Каррера-4» для миссис Миранды Пристли и установили в нем новую магнитоу. Прямо в яблочко!

До автосалона я добралась на служебной машине. Там я предъявила записку с подделанной мной подписью Миранды, согласно которой они должны были отдать машину мне. Никто не задался вопросом, кем я прихожусь Миранде Пристли и с чего бы постороннему лицу заявляться сюда и требовать чужой «порше». Они бросили мне ключи и лишь посмеялись, когда я попросила помочь мне вывести машину из гаража, потому что я не была уверена, что смогу включить заднюю передачу. За полчаса я одолела десять кварталов и сейчас направлялась к району, где жила Миранда и где находился гараж, который мне описала ее экономка. Я все еще не могла сообразить, где мне следует повернуть. Шансы на то, что, продолжая в том же духе, я не нанесу серьезного ущерба себе, автомобилю, велосипедистам, пешеходам и прочим движущимся объектам, были весьма невелики, и этот новый звонок не прибавил мне оптимизма.

Я снова начала обзванивать всех подряд, и на этот раз няня детей Миранды ответила после второго гудка.

– Кара, привет, это я.

– Привет, что там такое? Ты на улице? Тебя почти не слышно.

– Да, вот именно. Мне пришлось забирать из сервиса «порше» Миранды. Я толком и не умею водить спортивные машины. А сейчас она позвонила, хочет, чтобы я забрала какую-то Митци и привезла ее к вам. Кто эта чертова Митци и где она может быть?

Прошло минут десять, пока Кара перестала смеяться:

– Митци – это их французский бульдог, она сейчас у ветеринара. Ее стерилизовали. Предполагалось, что ее заберу я, но только что Миранда позвонила и велела забрать близнецов из школы пораньше, потому что они все вместе собираются в Хэмптон.

– Ты шутишь. Как я смогу привезти эту чертову собаку на этом «порше» и при этом не разбиться? Это просто невозможно.

– Она в ветлечебнице на Пятьдесят второй улице, между Первой и Второй авеню. Извини, Энди, мне сейчас надо за девочками, но ты звони, если что, ладно?

Для того чтобы добраться на упрямой зеленой скотине до нужного места, мне пришлось собрать в кулак всю оставшуюся волю, и к тому времени, когда я доехала до Второй авеню, у меня от напряжения ныло все тело. Ничего худшего случиться уже не может, успокаивала я себя, когда очередная машина тормозила в каких-то миллиметрах от моего бампера. Любая царапина на авто неминуемо означала бы потерю работы (что вполне естественно), но такая прогулка вполне могла стоить мне и жизни. Места для парковки не осталось – полдень! – поэтому я позвонила в лечебницу и попросила вынести мне Митци. Через несколько минут явилась любезная женщина с подвывающей и сопящей собачонкой (мне как раз хватило времени, чтобы ответить на очередной звонок Миранды, которая интересовалась, почему я еще не в офисе). Женщина показала мне швы на животе у Митци и объяснила, что ехать надо очень, очень осторожно, потому что собака «испытывает небольшой дискомфорт». Ну конечно, леди, я поеду очень, очень осторожно, единственно для того, чтобы

сохранить свою работу, а может быть, и свою жизнь, – а если собака от этого выиграет, так это только к лучшему.

Когда Митци свернулась калачиком на сиденье, я закурила сигарету и растерла свои онемевшие от холода ступни, чтобы вернуть им способность нажимать на педали. «Сцепление, газ, теперь переключить скорость, отпустить сцепление», – нараспев повторяла я, стараясь не обращать внимания на жалобные стенания собаки, раздававшиеся каждый раз, когда я разгонялась. Собачонка то скулила, то подвывала, то фыркала. К тому времени как мы добрались до места, она была уже на грани истерики. Я попыталась ее погладить, но она почувствовала мою неискренность, да и руки у меня были заняты, чтобы прижимать ее к себе и успокаивать. Вот чем закончились четыре года изучения и подробного разбора книг, постановок, стихов и рассказов: мне вменяется в обязанность с комфортом доставить маленькую, похожую на сардельку белую собачонку и при этом не поцарапать невероятно дорогую чужую машину. Веселенькая у меня жизнь. Как раз то, о чем я мечтала.

Мне удалось вручить собаку и машину привратнику Миранды целыми и невредимыми, но руки у меня продолжали трястись даже после того, как я забралась в служебную машину, которая следовала за мной через весь город.

– Едем назад в «Элиас-Кларк-билдинг», – со вздохом сказала я водителю, он вырулил на проезжую часть, и мы направились на юг, к Парк-авеню. Этим маршрутом я ездила ежедневно, иногда даже по два раза в день, и знала, что у меня всего шесть минут, чтобы перевести дух, собраться с мыслями и придумать, как получше замаскировать пятна от пепла и пота, которые, похоже, стали неотъемлемым украшением моего замшевого наряда от Гуччи. Туфли безнадежны, хотя, может, с ними и сумеют что-нибудь сделать мастера, которых для этого специально держат в «Подииуме». На дорогу на этот раз ушло всего четыре с половиной минуты, и я, будто стреноженный жираф, заковыляла к дверям на единственном уцелевшем каблуке высотой десять сантиметров. Быстренько в кладовую – переобуться в ультрамодные высокие (до колена) темно-бордовые сапоги от Джимми Чу; они здорово смотрелись с юбкой из мягкой кожи, которую я надела, швырнув свои замшевые брюки в грудку вещей, ожидающих «суперделикатной чистки» (цены у них от семидесяти пяти долларов). Оставалось только привести в порядок лицо; одна из редакторов в костюмерной, глянув на мой потекший макияж, подтолкнула ко мне коробку с косметикой.

«Совсем неплохо», – подумала я, увидев себя в одном из больших, в человеческий рост, зеркал, которые здесь были повсюду. Даже не догадаешься, что всего пару минут назад я была на волосок от того, чтобы разбиться самой и прикончить любого на моем пути. Я уверенно вошла в роскошное помещение секретариата, откуда вела дверь в апартаменты Миранды, и спокойно заняла свое место, зная, что у меня есть несколько свободных минут, пока она не закончит обедать.

– Ан-дре-а, – позвала она из своего кабинета, от которого, несмотря на продуманную до мелочей обстановку, отчаянно веяло холодом, – Где автомобиль и собака?

Я сорвалась с места и побежала так быстро, как только можно бежать по ворсистому ковровому покрытию на двенадцатисантиметровых каблуках.

– Я передала машину служащему в гараже, а Митци – вашему привратнику, – сказала я, стоя перед ее столом и гордясь тем, что сохранила в целости машину, собаку и даже себя.

– И зачем вы это сделали? – рявкнула она, глянув на меня поверх ежедневного выпуска «Женской одежды» – в первый раз с тех пор, как я вошла. – Ведь я же ясно сказала вам доставить их сюда, сейчас подъедут девочки, и нам понадобится машина.

– Ой, на самом деле я думала, вы сказали, что хотите, чтобы...

– Достаточно. Ваши оправдания интересуют меня меньше всего. Заберите машину и собаку и доставьте сюда. Все должно быть сделано через пятнадцать минут. Вам ясно?

Пятнадцать минут? Бредит она, что ли? Мне понадобится минута или две, чтобы спуститься, еще четыре или шесть – чтобы добраться до ее квартиры, а потом еще примерно часа три, чтобы найти бульдога в восемнадцати комнатах, извлечь со стоянки своенравную колымагу и проехать на ней двадцать кварталов назад к офису.

– Ну конечно, Миранда, через пятнадцать минут.

Меня затрясло сразу же, как я выбежала из ее кабинета; даже стало интересно, можно ли в двадцать три года – в цвете, что называется, лет – получить разрыв сердца. Первая же сигарета, которую я закурила, приземлилась прямо на кончик моего сапога и, вместо того чтобы сразу же упасть на пол, продержалась там достаточно долго, чтобы прожечь аккуратную маленькую дырочку.

– Здорово, – пробормотала я, – все это просто чертовски здорово.

Подведем черту под моими сегодняшними потерями: похоже, это новый персональный рекорд. «Может, она подохнет раньше, чем я вернусь. – Я рассудила, что сейчас самое время подумать о светлой стороне вещей. – Может быть – ведь не исключено же такое, – она сляжет от чего-нибудь редкого, экзотического, и это освободит нас от нее на какое-то время». Я с наслаждением затянулась в последний раз, растоптала окурок и велела себе быть благоумной. «Ты ведь не хочешь, чтобы она умерла, – думала я, вытягиваясь на заднем сиденье, – ведь если это произойдет, у тебя не останется никакой надежды прикончить ее своими руками. А вот это-то и будет настоящая неприятность».

Глава 1

Я была полной невеждой, когда, явившись на свое первое собеседование, вошла в один из прославленных лифтов «Элиас-Кларк»; лифты эти были самым популярным транспортным средством в роскошном мире высокой моды. Я и понятия тогда не имела о том, что наиболее осведомленные журналисты, пишущие для колонок светской хроники, завсегдатаи светских раутов и влиятельные фигуры массмедиа неустанно охотятся за безукоризненно элегантными, одетыми в соответствии с последними веяниями моды пассажирами этих бесшумно скользящих лифтов. Я в жизни не видала женщин с такими сияющими светлыми волосами, не знала, что на поддержание достигнутого эффекта они тратят по шесть тысяч долларов в год и что человек посвященный может определить, какой именно стилист красил эти волосы, лишь мельком глянув на его творение. Я никогда не встречала таких красивых мужчин. Они были в замечательной форме – не слишком мускулисты, ведь это «несексуально», – но, глядя на их трикотажные обтягивающие майки и облегающие кожаные брюки, вы всегда понимаете, что видите перед собой фанатов гимнастических залов. Сумки и туфли, каких не бывает у простых смертных, так и кричали: «Прада! Армани! Версаче!» Я слышала от друга своего друга, помощника редактора журнала «Шик», что частенько те или иные аксессуары встречаются в этих самых лифтах со своими творцами – трогательное свидание, во время которого Миуччиа, Джорджио или Донателла могут еще раз полюбоваться туфлями на шпильках из своей летней коллекции 2002 года или сумочкой из прозрачных бусинок, бывшей частью весенней коллекции. Да, я знала, что жизнь моя изменится, но не была уверена, что к лучшему.

Мне было тогда двадцать три года, я провела их в зауряднейшем американском городке, и существование мое тоже было вполне заурядным. Вырасти в захолустном Эйвоне, штат Коннектикут, означало непременно участие в спортивных состязаниях старшеклассников, школьных диспутах-семинарах и «вечеринках с выпивкой» в милых загородных фермерских домиках, когда чьи-то родители находились в отъезде. У нас были тренировочные брюки для школы, джинсы для субботнего выхода и гофрированные юбки-солнце для «полуофициальных» вечеров с танцами. Что уж говорить об университете! После всего этого он стал для нас открытием нового мира. В университетском городке проводилось бесчисленное множество общественных мероприятий, имелось огромное число факультативов и кружков для всех «талантов», незадачливых оригиналов и компьютерных шизиков, какие только могли уродиться на свет. Даже если избранный вами вид творческой или интеллектуальной деятельности изначально был доступен лишь избранным – даже тогда университет Брауна давал вам возможность проявить себя. Единственным, пожалуй, исключением была высокая мода. Четыре года шатаний по Род-Айленду в майке и кроссовках, изучения французского импрессионизма и кропания бесконечных курсовых и рефератов не дали мне ничего хоть сколько-нибудь полезного для той работы, которую я получила по окончании университета.

Я оттягивала этот момент как только могла. Сразу после выпускного я собрала всю небольшую наличность, какая у меня имелась, и отправилась в путешествие, растянувшееся на пять месяцев. Месяц я колесила по Европе, проводя больше времени на пляжах, чем в музеях, и по глупости не поддерживала связей ни с кем, кроме Алекса, с которым мы были

вместе три последних года. Он знал, что недель через пять я непременно почувствую себя одинокой и брошенной, а его стажировка как раз подходила к концу, и у него оставалось несколько свободных месяцев до назначения на должность учителя в одну из американских школ. Вот так и вышло, что в Амстердаме он преподнес мне сюрприз. Я к тому времени уже достаточно насмотрелась на Европу, он уже совершал подобную поездку прошлым летом, поэтому, пообедав в кафе (не обошлось тогда и без спиртного), мы объединили наши дорожные чеки и купили два билета до Бангкока.

Мы проехали с ним большую часть Юго-Восточной Азии и редко тратили больше десяти долларов в день. Говорили мы в основном о нашем будущем. Ему не терпелось начать преподавать английский в какой-нибудь заурядной городской школе, он горел желанием облагораживать юные умы из самых бедных и самых отверженных слоев населения, так гореть способен был только Алекс. Я же собиралась найти работу в каком-нибудь журнальном издательстве. Конечно, я знала, что в «Нью-Йоркер»¹ меня сразу после учебы скорее всего не возьмут, но я была полна решимости попасть туда в ближайшие пять лет. Это было все, чего я желала для себя, единственное место, где мне на самом деле хотелось работать. Это запало мне в душу еще тогда, когда я услышала разговор своих родителей – они обсуждали только что прочитанную статью, и мама сказала: «Хорошо написано, такого больше нигде не найдешь», а отец согласился: «Да уж, это единственная стоящая вещь во всей сегодняшней макулатуре». Я влюбилась в этот журнал. Я влюбилась в его живые, меткие обзоры и остроумные иллюстрации, в то особое чувство сопричастности, какое он давал своим читателям. Вот уже семь лет я прочитывала каждый номер от корки до корки и знала названия всех разделов, имена всех редакторов и авторов статей.

Мы говорили о том, как мы вступим на новое поприще, и о том, как здорово, что мы делаем это вместе. Мы вовсе не рвались обратно, словно предчувствуя, что это лето – последнее затишье перед бурей, и продлили наши визы в Дели, чтобы иметь возможность еще несколько недель путешествовать по чудесной экзотической Индии.

Что ж, нет лучшего средства, чтобы вернуться из сказки в суровую реальность, чем амебная дизентерия. Неделю я провалялась в замызганной индийской гостинице, умоляя Алекса не оставлять меня умирать в этом забытом Богом месте. Еще через четыре дня мы приземлились в Ньюарке, и моя перепуганная мать уложила меня на заднее сиденье машины и причитала надо мной всю дорогу. Сбылась мечта еврейской матери: у нее появилась законная возможность приглашать в дом одного доктора за другим, пока она совершенно не убедилась в том, что последний мерзкий паразит оставил в покое ее маленькую девочку. Через четыре недели я вновь почувствовала себя человеком, еще через две поняла, что жизнь дома, с родителями, для меня невыносима. Мама и папа были славные, но имели привычку выпрашивать, куда я иду, всякий раз, как я собиралась уходить, и где я была – когда возвращалась, и это очень быстро мне надоело. Я позвонила Лили и спросила, могу ли я рассчитывать на диванчик в ее крохотной квартирке в Гарлеме. По доброте душевной она сказала «да».

Лежа в этой самой крохотной нью-йоркской квартирке, я открыла глаза. Я вся вспотела, голова раскалывалась, в животе бурлило; каждая жилка моего тела дрожала – и эта дрожь была явно не эротического свойства. «О Боже, – с ужасом подумала я, – опять». Паразиты вновь пробрались в мой организм, и я обречена страдать вечно. А может, и того хуже, я подхватила редкую форму тропической лихорадки с длительным инкубационным периодом. Что, если это малярия? Или даже смертельная лихорадка Эбола? Некоторое время я

¹ «Нью-Йоркер» – еженедельный литературно-политический и сатирический журнал, оказывающий большое влияние на литературную жизнь США. Основан в 1925 г. – *Здесь и далее примеч. пер.*

лежала в полной тишине и пыталась примириться с мыслью о грозящей мне неминуемой гибели, потом витающие в воздухе обрывки сновидений вновь овладели моим сознанием. Какой-то прокуренный бар в южном Манхэттене. Слышна негромкая монотонная музыка. Что-то розовое и крепкое в бокале для мартини – ох, только бы перестало тошнить! Друзья поздравляют с возвращением домой. Звучит тост, мы пьем, снова тост. Благодарение Богу, это не редкая форма геморрагической лихорадки, а лишь похмелье. Мне и в голову не пришло, что, потеряв десять килограммов после дизентерии, я больше не смогу безнаказанно выпивать свою прежнюю норму спиртного. Мои без малого метр восемьдесят роста и пятьдесят пять килограммов веса не слишком вписываются в реалии загульных вечеринок, зато, оглядываясь назад, я понимаю, что менеджеров модных журналов мои параметры устраивали совершенно.

Я храбро поднялась с ветхого диванчика, на который неделю назад впервые опустилась, и стала мысленно концентрироваться на том, что мне нельзя болеть. Снова привыкнуть к Америке и ее кухне, типичной манере общения и маниакальному пристрастию к личной гигиене было не особенно трудно, но не следовало злоупотреблять гостеприимством Лили. Я подсчитала, что остатка обращаемых в доллары батов и шекелей мне хватит недели на полторы, после чего финансы иссякнут, а единственный способ получить что-либо от моих родителей – это вернуться к бесконечному пережевыванию сто раз обговоренных проблем. Именно это здравое рассуждение и выгнало меня из постели в некий судьбоносный ноябрьский день, направив туда, где мне предстояло пройти первое в моей жизни собеседование для приема на работу. Всю последнюю неделю, слабая и истощенная, я провалилась на диванчике у Лили; в конце концов она заявила, что я обязана выходить – по крайней мере на несколько часов, но каждый день. Не зная, куда себя девать, я купила карточку для проезда на метро. Сидя в поезде подземки, я безучастно заполняла анкеты для поступающих на работу и оставляла их у охранников всех крупных журнальных издательств – вместе с письмами, в которых без всякого энтузиазма объяснялось, что я желала бы получить место помощника редактора и набраться опыта работы в журнале. Я чувствовала себя совсем слабой и разбитой, и меня очень мало заботило, читает ли кто-нибудь мои послания; на собеседование же я вообще не рассчитывала. Но вот в квартире Лили раздался телефонный звонок и кто-то из служащих «Элиас-Кларк» пригласил меня прийти «пообщаться». Я не была уверена, что это действительно официальное собеседование, но «пообщаться» звучало даже приятнее.

Я запила таблетку анальгина желудочной микстурой и надела жакет и брюки, которые, хоть и не очень сочетались между собой, неплохо сидели на моих тогдашних мощах. Синий кардиган, не слишком игривый конский хвост и несколько поношенные туфли без каблучков довершили мой облик. Нельзя сказать, что я смотрелась великолепно, на самом деле скорее страшновато, но я полагала, что этого достаточно. «Не могут же они принять меня или отказать, ориентируясь только на то, как я одета», – помнится, думала я тогда. Похоже, я была едва в состоянии соображать.

Я пришла к одиннадцати часам, точно в назначенное время, и не чувствовала никакого волнения, пока не натолкнулась на вереницу длинноногих, неимоверно стройных девиц, ожидавших лифта. (Ох уж эти лифты!) «Глубокий вдох, потом выдох, – напомнила я себе. – Ты сумеешь. У тебя все получится».

«Да, разумеется, я бы хотела работать в журнале „Отклик“. Безусловно, „На слуху“ мне вполне подходит. О, что вы сказали? Мне предстоит выбрать? В таком случае мне нужны сутки, чтобы обдумать ваше предложение и приглашение от журнала „Ваш дом“. Восхитительно!»

Спустя некоторое время я прикрепилась довольно непритязательную «гостевую» карточку к моему довольно непритязательному псевдокостюму (я не скоро узнала, что люди осведомленные просто наклеивают эти карточки на свои кейсы или вообще тут же их выбра-

сывают, и только растяпы-неудачники на самом деле носят их). После этого я направилась к лифтам. А потом... я вошла внутрь. Все выше, выше и выше, пронзая пространство и время, возносясь к вершинам безграничной сексуальности, стремилась я... в отдел кадров.

Во время этого бесшумного перелета я позволила себе немного расслабиться. Насыщенный аромат духов смешивался в этих лифтах с запахом дорогой кожи, и это создавало в них почти эротическую атмосферу. Мы скользили между этажами, останавливаясь, чтобы дать выйти красоткам из «Шика», «Мантры», «На слуху» и «Кокетки». Двери раскрывались почтительно, без единого звука, и я видела белоснежные приемные. На шикарную, простых и благородных линий мебель было страшно присесть; казалось, что стоит кому-нибудь – не дай Бог! – плюнуть, как она в ужасе закричит. На стенах при входе чернели названия журналов, и каждая надпись была легкоузнаваема. Внутренние помещения редакций прятались за массивными дверями из матового стекла. Это были названия, знакомые каждому американцу, но никому из американцев и в голову бы не пришло, что все это вертится, крутится, варится под крышкой одного гигантского котла.

Признаться, самое впечатляющее, чем мне до сих пор приходилось заниматься, – это торговать мороженым, однако я достаточно наслушалась рассказов друзей, уже получивших работу, и знала, что настоящая деловая жизнь – нечто совсем иное. Здесь не было отвратительных флюоресцентных ламп и ковровых покрытий, на которых не видна грязь. Вместо вечно неряшливых секретарш всем заправляли элегантно одетые ухоженные девочки с высокими скулами. И в помине не было извечных офисных принадлежностей – органайзеров, корзин для мусора, книг, – их просто не существовало. Я во все глаза смотрела на пролетающее мимо меня белое великолепие, пока – через шесть этажей – не услышала голоса.

– Она. Просто. Стерва. Ну не могу я с ней больше. А кто смог бы? Нет, правда, ну кто такое вынесет? – свистящим шепотом говорила девушка двадцати с небольшим в юбке из змеиной кожи и маечке с глубоким вырезом, больше подходившей для отвязной вечеринки в «Лотосе», чем для офиса (тем более зимой).

– Я знаю. Зна-а-аю. Ты и не представляешь, что мне пришлось вынести в последние шесть месяцев. Ну конечно, она стерва. Да еще у нее такой ужасный вкус, – согласилась ее подруга, энергично тряся очаровательными кудряшками.

К счастью, я уже приехала, и дверь лифта мягко отворилась. Интересно, думала я, если сравнить здешнюю атмосферу с обычной замкнутой жизнью старшеклассницы, неизвестно, что окажется лучше. Можно ли сказать, что все это будоражит и подстегивает воображение? Вряд ли дело в этом. Правда ли, что это приятная, доставляющая радость работа? Нет, конечно же, нет. Но если вы ищете нечто утонченное, изысканное до извращения и стильное до душевных судорог, «Элиас-Кларк» – как раз то, что вам нужно.

Великолепные драгоценности и безупречный макияж секретарши в отделе кадров несколько не помогли побороть овладевшее мной чувство собственной неуместности. Девушка попросила меня присесть и «не стесняться, смотреть журналы». Я же вместо этого с маниакальным упорством старалась запомнить имена всех ведущих редакторов, словно мне предстоял экзамен. Ха! Я уже знала Стивена Александра из «Отклика», и мне не составило труда запомнить Таннера Майкла из «На слуху». Больше ничего интересного в журналах я не обнаружила. Тем лучше.

Невысокая худощавая женщина представилась Шэрон.

– Значит, вы хотите работать в журнале? – спросила она, когда мы шли мимо шеренги похожих одна на другую длинноногих девиц в ее несколько безликий и холодный кабинет. – Это не так-то легко сразу после университета. Столько желающих получить здесь работу! А вакантных мест очень мало. И места эти не слишком высокооплачиваемы – надеюсь, вы меня понимаете.

Я посмотрела на свой дешевый костюм и очень неудачные туфли и спросила себя, зачем я вообще все это затеяла. Мне не терпелось вернуться на мой диванчик и, прихватив побольше чипсов с сыром и сигарет, проваляться на нем недельки две. Погруженная в эти мысли, я едва услышала, как она негромко произнесла:

– Но как раз сейчас есть одна замечательная возможность. Конечно, это ненадолго.

Хм... Я насторожилась и попыталась поймать ее взгляд. Возможность? Ненадолго? Мой мозг бешено работал. Она хочет мне помочь? Я ей нравлюсь? Да я еще и рта не открывала, когда я успела ей понравиться? И почему вдруг она стала похожа на торговца автомобилями?

– Дорогая, вы знаете, как зовут главного редактора «Подiums»? – спросила она, первый раз за все время глядя прямо на меня.

Пустота. В памяти абсолютная пустота. Ничто не приходит на ум. Я не могу поверить – это и правда экзамен. Я в жизни не прочла ни одной строчки из «Подiums». Вообще-то так прямо она меня об этом и не спрашивала. Да и кому только интересен «Подium»: это ведь журнал мод. Боже милосердный, в нем, кажется, вообще нет текста, одни фотографии изнуренных диетой топ-моделей да броская реклама. Несколько мгновений я лихорадочно перебирала в памяти имена и фамилии, которые только что силилась запомнить и которые теперь беспорядочно плясали в моем воспаленном мозгу. В глубине души я была уверена, что знаю это имя, да и кто его не знает? Но в голове у меня была сплошная каша.

– Э-э... знаете ли, мне никак не удастся сейчас его вспомнить. Но я знаю его, знаю, конечно же. Просто я... э-э... не могу вспомнить прямо сейчас.

Мгновение она в упор смотрела на меня, ее большие карие глаза изучали мое лицо, которое тотчас покрылось испариной.

– Миранда Пристли, – почти прошептала она, и в голосе ее слышались благоговение и страх, – ее зовут Миранда Пристли.

Последовало молчание. Почти минуту никто из нас не говорил ни слова, но потом Шэрон, должно быть, приняла решение закрыть глаза на мой чудовищный промах. Я не знала тогда, что она уже отчаялась найти еще одну секретаршу для Миранды, не знала, что Миранда имела обыкновение названивать ей днем и ночью и допрашивать о качествах потенциальных кандидаток. Она отчаялась уже подобрать такую кандидатуру, которую не отвергла бы Миранда. И если у меня был – что весьма сомнительно – хоть маленький шанс получить эту работу и, следовательно, освободить ее, значит, я заслуживала внимания.

Шэрон вымученно улыбнулась и сказала, что теперь мне следует поговорить с одной из двух секретарш Миранды. Две секретарши?

– Ну конечно, – подтвердила Шэрон с некоторым раздражением, – Миранде необходимо иметь двух секретарш. Старшую, Элисон, повысили до редактора в «Подiums», а младшая, Эмили, займет ее место. Остается открытая вакансия. Андреа, я знаю, что вы только что из университета и, возможно, не вполне знакомы с внутренними делами журнального мира, – она сделала многозначительную паузу, подыскивая нужное слово, – но я чувствую, что это мой долг, моя обязанность, рассказать, что за перспективы открываются перед вами. Миранда Пристли, – она снова сделала паузу, словно мысленно склоняясь перед обладательницей этого имени, – Миранда Пристли – самая влиятельная женщина в модной индустрии и, несомненно, одна из самых известных в мире редакторов модных журналов. В мире! Быть рядом с ней в ее работе, встречаться со знаменитыми авторами и топ-моделями, помогать ей и разделять ее успех – каждый божий день... о, стоит ли говорить о том, что миллионы девушек готовы на все, чтобы заполучить такую работу!

– Хм... да, конечно, это звучит потрясающе, – сказала я, спрашивая себя, почему Шэрон так расхваливает передо мной то, ради чего другие готовы на все. Но времени на размышления не было. Несколько слов по телефону, и вот она уже ведет меня к лифтам знако-

миться с двумя секретаршами Миранды Пристли. Мне несколько наскучили однообразные излияния Шэрон, но предстояла еще беседа с Эмили. Я спустилась на нужный этаж и оказалась в белоснежной приемной «Подiums». Через полчаса из-за стеклянной двери наконец появилась высокая стройная девушка. На ней была кожаная юбка до середины икр, а непослушные рыжие волосы не слишком строго, но живописно собраны в узел на макушке. Ее бледная кожа казалась безукоризненной – ни единой веснушки или пигментного пятнышка, ни единой морщинки; у нее были самые высокие скулы, какие я когда-либо видела. Она присела рядом и взглянула на меня внимательно, но без особого интереса и без улыбки. Поверхностный осмотр. И тут же, без всякого вступления, даже не представившись, девушка, которую, как я поняла, звали Эмили, начала рассказывать мне о своей работе. Монотонность ее повествования сказала мне больше, чем сами слова: она явно повторяла это уже в сотый раз, почти не рассчитывая на то, что я могу чем-то отличаться от остальных, а потому не хотела тратить на меня время.

– Не стоит рассчитывать на то, что это легкая работа. Иногда проводишь здесь по четырнадцать часов в день, не так уж часто, конечно, но и не редко, – бубнила она, не глядя на меня. – Необходимо понять, что ваша работа не будет связана с редакторскими функциями. В качестве младшего секретаря Миранды Пристли вы должны будете предугадывать и исполнять ее пожелания; заказывать канцелярские принадлежности ее любимой фирмы, сопровождать ее во время походов по магазинам – это может быть все, что угодно, но это всегда интересно. День за днем, неделю за неделей вы будете проводить рядом с этой удивительной женщиной. А она удивительная женщина! – Тут Эмили слегка оживилась, впервые с момента нашей встречи.

– Звучит здорово, – сказала я, искренне так думая. Мои друзья, которые устроились на работу сразу после выпуска, уже отработали полные шесть месяцев в качестве начинающих, и все, как один, чувствовали себя несчастными. Не важно, чем они занимались – банковским делом, рекламой или книгоиздательством, – все они были разочарованы. Со слезами в голосе они рассказывали о бесконечно тянущихся днях, о сослуживцах, о подковерных интригах, но больше всего – о скуке. По сравнению с учебой в университете то, что они делали теперь, было бессмысленным и никчемным мартышкиным трудом. Долгими часами они забивали цифры в базу данных или обзванивали людей, которые не желали, чтобы им звонили. Неделями они безучастно сортировали информацию в компьютере и узнавали совершенно не относящиеся к делу детали – и их наниматели считали, что они работают вполне продуктивно. Все мои друзья были убеждены, что за короткое время после окончания университета они изрядно поглупели, и никакой надежды на лучшее у них не было. Я, может, и не особенно интересовалась модой, но уж лучше делать что-то интересное, чем умереть от скуки.

– Да, это действительно так. Просто здорово. То есть на самом деле здорово. В любом случае приятно было с вами познакомиться. Сейчас придет Элисон. Она очень славная.

Едва рыжие кудряшки и кожаная юбка исчезли за стеклянной дверью, как оттуда появилась подвижная гибкая фигура.

Эффектная негритянка назвалась Элисон, это была получившая повышение секретарша Миранды. Она была невероятно, нечеловечески стройной (отпечаток, налагаемый институтом благородных девиц), живот у нее был невероятно впалый, а тазовые кости выпирали, но самый факт того, что она открыто демонстрировала свой живот даже на работе, завораживал. На ней были черные узкие кожаные брюки и пушистая (меховая?) белая курточка, обтягивающая грудь и на пять сантиметров не доходящая до верхней кнопки брюк. Ее длинные волосы были черны как смоль и, сияя, ниспадали на плечи. Ногти на руках и ногах, покрытые белым перламутровым лаком, казалось, светились изнутри. Открытые туфли, в которые она была обута, добавляли к ее собственным ста восьмидесяти с лишним сантиметрам еще семь. Она смотрелась крайне сексуально: полуодета и вместе с тем очень элегантна;

но меня при взгляде на нее начал бить озноб. В прямом смысле. В конце концов, на дворе была уже середина ноября.

– Привет, я Элисон, как вам, может быть, уже известно, – начала она, снимая белую пушинку со своего кожаного бедра, – меня только что повысили до редактора. Вообще работать на Миранду – это действительно здорово. Работа требует времени и усилий, но она невероятно интересна, и миллионы девушек готовы ради нее на что угодно. А Миранда просто чудесная – как женщина, как редактор, как личность; она по-настоящему заботится о своих сотрудницах. Вам не придется долгие годы карабкаться по служебной лестнице. Если вы успешно проработаете у нее всего год, она поможет вам подняться на самую вершину... – Элисон говорила рассеянно, бесстрастно. Она не показалась мне глупой, просто витала в высотах, доступных лишь посвященным, а может, ей основательно промыли мозги. У меня возникло стойкое ощущение, что я могу сейчас заснуть, начать ковырять в носу или просто уйти – и она даже не заметит.

Когда она наконец закончила и ушла просвещать какого-то другого собеседника, я почти рухнула на один из роскошных диванов в приемной. Все происходило очень быстро, независимо от моей воли, и все же мне это нравилось. Ну и пусть я не знаю, кто такая Миранда Пристли. Все остальные, похоже, о ней очень высокого мнения. Да, конечно, это всего лишь модный журнал, а не что-то более интересное, но ведь во сто крат лучше работать в «Подиуме», чем в каком-то третьесортном издании, разве не так? Упоминание о таком престижном месте в моей анкете придаст мне больше веса, когда я буду наниматься в «Нью-Йоркер», чем если бы я работала, скажем, в «Сам себе мастер». Кроме того, я была уверена, что миллионы девушек на все готовы ради такой работы.

Через полчаса, проведенных в подобных размышлениях, в приемную вошла еще одна высокая и невероятно худая девушка. Она назвала мне свое имя, но я не могла сосредоточиться ни на чем, глядя на ее тело. На ней были обтягивающая юбка из кусочков джинсовой ткани, прозрачная белая блузка и босоножки из серебристых ремешков. Великолепный загар, маникюр и полное пренебрежение к наступившей зиме. Она жестом пригласила меня следовать за ней, я встала и в этот момент пронзительно ощутила, что на мне ужасно неподходящий к случаю костюм, что волосы мои не уложены и у меня нет ни аксессуаров, ни драгоценностей, ни внешнего лоска. И по сей день мысль о том, как я была одета, и о том, что в руках у меня был какой-то нелепый портфель, не дает мне покоя, а лицо пылает, стоит мне вспомнить, какой клушей я казалась среди самых стильных женщин Нью-Йорка. Позже, когда я приблизилась к тому, чтобы стать одной из них, я узнала, как они потешались надо мной тогда.

После такого предварительного ознакомления меня отвели в кабинет Шерил Керстен, исполнительного редактора «Подиума», – очень симпатичной, хотя и несколько странной. Она тоже долго говорила со мной, но на этот раз я действительно слушала. Я слушала, потому что она, очевидно, действительно любила свое дело, поскольку восторженно распространялась о «текстовом» аспекте журнала, о «чудесном материале», который она готовит к печати, об авторах, с которыми имеет дело, о редакторах, за работой которых следит.

– Я не имею никакого отношения к тому, что хоть как-то связано с модой, – гордо заявила она, – поэтому если у вас есть подобные вопросы, задайте их кому-нибудь другому.

Я сказала ей, что меня больше всего увлекает именно ее работа и я не особенно интересуюсь всякими закулисными делами мира моды. Ее лицо засияло от удовольствия.

– В таком случае, Андреа, возможно, вы как раз то, что нам нужно. Я думаю, вам пора познакомиться с Мирандой. Вы позволите дать вам небольшой совет? Смотрите ей прямо в глаза и постарайтесь хорошо себя подать. Торгуйтесь – она это оценит.

Тут же, словно услышав эти слова, появилась ее секретарша, чтобы препроводить меня в кабинет Миранды. Это заняло всего полминуты, но, пока мы шли, я чувствовала, как все

глаза устремились на меня. На меня смотрели из-за матовых стеклянных дверей редакторских кабинетов и из-за перегородок, окружающих столы секретарей. Смазливый паренек у копировального аппарата повернул голову в мою сторону, то же сделал потрясаяще красивый мужчина, по всей видимости, гей, которого заинтересовала только моя экипировка. В тот момент, когда я входила в дверь, отделяющую приемную от кабинета Миранды, Эмили выхватила у меня из рук портфельчик и затолкала под свой стол. Я мгновенно поняла, что это означало: «Если вы внесете такое внутрь, доверия вам не будет». И вот я уже стою в ее кабинете. Помню огромные окна и заливающий просторную комнату свет, никаких деталей обстановки память моя в тот день не сохранила: я смотрела только на нее.

Мне никогда не приходилось видеть Миранду Пристли, даже на фотографии, и в тот момент я была потрясена тем, какая она тощая. Ее рука, которую она мне подала, была маленькая, женственная, мягкая. Ей пришлось поднять голову, чтобы посмотреть мне в глаза, но она не встала. Ее искусно выкрашенные светлые волосы были собраны в шикарный узел, умышленно небрежный для придания эффекта естественности, но при этом в высшей степени аккуратный. Она не улыбалась, и в ней не было ничего особенно пугающего. Она казалась вполне милой и какой-то очень маленькой за своим зловещим черным столом, и, хотя она не пригласила меня сесть, я совершенно непринужденно расположилась на одном из неудобных черных стульев. И тут я заметила, что она пристально наблюдает за мной, мысленно отмечая мои потуги продемонстрировать знание светских манер, и, кажется, все это ее изрядно забавляет. «Много мнит о себе, и характер неуживчивый, – подумала я, – но не особенно сволочная». Она заговорила первая.

– Что привело вас в «Подиум», Ан-дре-а? – спросила она с британским акцентом – свидетелем ее принадлежности к высшему обществу, – не отводя своих глаз от моих.

– Ну, я говорила с Шэрон, и она сказала, что вы ищете секретаря, – начала я с легкой дрожью в голосе. Она кивнула, и я почувствовала себя немного увереннее. – А сейчас, после беседы с Эмили, Элисон и Шерил, я почувствовала, что знаю, какой человек вам нужен, и уверена, что отлично вам подойду, – продолжала я, припоминая слова Шерил. Ее это, казалось, позабавило, но она оставалась совершенно невозмутимой.

В ту минуту я начала страстно желать получить эту работу, – так люди жаждут вещей, которые не надеются иметь. Это было, конечно, совсем не то, что поступление на юрфак или публикации в университетском журнале. Это был настоящий вызов для моего жаждущего успеха сознания – еще и потому, что я была самозванкой, причем даже не очень искусственной. С той самой минуты, как ступила на порог «Подиума», я знала, что не гожусь на эту должность. Не теми, что нужно, были мои волосы и одежда, но самое главное – не той была моя жизненная позиция. Я ничего не знала о модельном бизнесе, да и не хотела знать. Нисколько. А значит, я должна получить эту работу. К тому же миллионы девушек готовы ради нее на что угодно.

Я отвечала на ее вопросы о моей жизни открыто и уверенно, чего сама от себя не ожидала. Бояться было некогда. Она вела себя достаточно любезно, и, как ни странно, ничего неприятного в ней я тогда не заметила. Небольшая заминка возникла, когда она спросила, какими иностранными языками я владею. Я ответила, что знаю иврит, она помолчала, прижала ладони к столу и проговорила ледяным тоном:

– Иврит? Я надеялась, вы знаете французский или хоть что-нибудь более полезное.

Мне почти захотелось извиниться, но я вовремя сдержалась.

– К сожалению, я совсем не говорю по-французски, но уверена, что с этим не будет никаких проблем.

Она сжала ладони.

– Здесь написано, что вы учились в университете Брауна.

– Да, э... я специализировалась по английскому языку, точнее, писательскому мастерству. Это всегда было моей страстью. – Что за пошлость! Неужели я не могла обойтись без слова «страсть»?

– Что касается вашей приверженности к писательству, не означает ли это, что вы мало интересуетесь модельным бизнесом? – Она глотнула какой-то шипучей жидкости из стакана и спокойно поставила его на место. Одного взгляда на стакан хватило, чтобы убедиться: эта женщина умеет пить, не оставляя отвратительных следов губной помады. Ее губы всегда безупречно накрашены, в любое время дня и ночи.

– Ах, ну конечно, я обожаю модельный бизнес, – отважно солгала я, – мне бы очень хотелось узнать о нем побольше, чтобы когда-нибудь иметь возможность писать о моде.

Где я только этого набралась? Инстинктивно я начала говорить чужие слова.

Так все и шло достаточно гладко, пока она не задала свой заключительный вопрос: какие журналы я обычно читаю? Я с готовностью наклонилась вперед и начала перечислять:

– Ну, я подписываюсь только на «Нью-Йоркер» и «Ньюс-уик», но нередко читаю «На слуху». Иногда «Тайм», но он слишком официален, а «Ю-эс ньюс» слишком консервативен. Еще, от нечего делать, я листаю «Шик», а с тех пор как я вернулась из-за границы, читаю все журналы о путешествиях и...

– А вы читаете «Подиум», Ан-дре-а? – перебила она, тоже наклоняясь вперед и глядя на меня еще внимательнее, чем прежде.

Это было так внезапно, так неожиданно, что я была застигнута врасплох. Я не лгала, не выкручивалась, даже не пыталась оправдаться:

– Нет.

Глава 2

Последовали десять секунд ледяного молчания, после чего она позвала Эмили и приказала ей проводить меня. Я поняла, что получила работу.

– Не очень-то похоже, что ты получила работу, – мягко сказал Алекс, поигрывая моими волосами, когда я, положив голову к нему на колени, отдыхала от всех треволнений дня.

Сразу после собеседования я поехала к нему в Бруклин: не захотела оставаться еще на ночь у Лили, к тому же мне необходимо было поделиться с ним всем, что со мной произошло.

– Я даже не знаю, зачем тебе это нужно, – продолжил он, немного помолчав.

– Ну, это, кажется, и впрямь очень заманчиво. Если эта девушка, Элисон, начинала как помощница Миранды, а теперь уже редактор, то мне бы это очень подошло. Дело того стоит.

Он очень старался показать, что на самом деле рад за меня. Мы встречались с первого курса, и я успела изучить каждое изменение его интонации, выражения лица и все его жесты. Вот уже несколько недель он работал в муниципальной средней школе в Бронксе и так уставал, что едва мог говорить по вечерам. Хотя его ученикам было всего по девяносто лет, он был поражен их цинизмом. Ему внушало отвращение и то, как свободно они говорят об «отсосах», и то, что они знают не менее десяти жаргонных названий марихуаны, и то, как они хвалятся тем, что им удавалось украсть, и родственниками, не вылезающими из тюрем строгого режима. «Тюремные эксперты» – так начал называть их Алекс. «Любой из них сумел бы написать книгу о всех преимуществах отсидки в „Синг-Синге“ по сравнению с „Райкерз-Айлендом“, но не умеет ни читать, ни писать по-английски». Он пытался понять, чем может им помочь.

Я просунула руку под его майку и стала легонько поглаживать ему спину. Бедненький. Он выглядел таким несчастным, что я почувствовала себя виноватой, что досаждаю ему разговорами о моем собеседовании, но мне просто необходимо было с кем-то это обсудить.

– Я понимаю, что мне не светит никакой редакторской работы, но через несколько месяцев я начну писать, я уверена, – сказала я. – Ты ведь не думаешь, что я хватаюсь за что попало, раз собираюсь работать в журнале мод, правда?

Он сжал мою руку и прилег рядом со мной.

– Детка, у тебя чудесный, большой писательский талант, и я знаю, что у тебя получится все, чем бы ты ни занималась. И конечно же, ты не хватаешься за что попало. Это поможет тебе встать на ноги. Ты ведь говоришь, что, если поработаешь годик для «Подиума», тебе не придется три года надрываться где-то еще.

Я кивнула:

– Эмили и Элисон говорят, что это само собой разумеется. «Поработай годик на Миранду так, чтобы тебя не уволили, и она устроит тебя на любое место, на какое только пожелаешь».

– Чего же тогда колебаться? Серьезно, Энди, поработаешь с год и устроишься в «Нью-Йоркер». Ты ведь всегда этого хотела. И похоже, так ты добьешься этого быстрее всего.

– Ты прав, ну конечно, ты прав.

– И потом, это означает, что ты переедешь в Нью-Йорк, а мне бы очень этого хотелось, правда. – Он поцеловал меня одним из тех долгих, ленивых поцелуев, во время которых

нам казалось, что мы созданы друг для друга. – И не волнуйся так сильно. Ты ведь сама говоришь, что еще не уверена, что получила эту работу. Поживем – увидим.

Мы приготовили простой ужин и заснули как раз посередине шоу Леттермана. Мне снились отвратительные девятилетние детишки, которые занимались сексом на спортплощадке, хлестали дрянное виски и орали на моего дорогого любимого Алекса, когда внезапно зазвонил телефон.

Алекс, не открывая глаз и не говоря ни слова, снял трубку, поднес к уху – и тут же перебросил мне. Я не была уверена, что справлюсь с ней.

– Да, – пробормотала я, глядя на часы, – всего четверть восьмого. У кого хватает совести звонить мне в этот час?

– Это я! – сердито рявкнула в трубку Лили.

– Привет, все в порядке?

– Ты думаешь, я стала бы звонить, если бы все было в порядке? У меня дикое похмелье, того и гляди помру. Я едва проблевалась, еле-еле заснула – и тут меня будит какая-то жутко наглая тетка, которая говорит, что она из отдела кадров «Элиас-Кларк» и разыскивает тебя. В четверть восьмого утра. Перезвони ей немедленно. И скажи, чтобы она забыла мой номер телефона.

– Прости, Лили. Я дала им твой номер, поскольку у меня еще нет сотового. Странно, что она позвонила так рано. Интересно, хорошо это или плохо? – Я взяла телефон, тихонько вышла из спальни и осторожно прикрыла за собой дверь.

– Да ладно. Удачи. Дай знать, когда все выяснится. Только не в ближайшие четыре часа, идет?

– Ну конечно. Спасибо. Еще раз извини.

Я снова взглянула на часы: не верилось, что мне вот-вот предстоит начать деловой разговор. Я поставила варить кофе и, подождав, пока он будет готов, отнесла чашку к диванчику. Пора было звонить, выбора у меня не было.

– Здравствуйте, это Андреа Сакс, – сказала я твердо, хоть и предательски сиплым со сна голосом.

– Доброе утро, Андреа! Надеюсь, я позвонила вам не слишком рано! – радостно запела трубка. – Уверена, что нет, ведь вы и сами скоро станете ранней птичкой. У меня прекрасные новости. Вы произвели на Миранду очень хорошее впечатление; она сказала, что весьма заинтересована в работе с вами. Разве это не чудесно?! Поздравляю, дорогая! Ну и как вы чувствуете себя в новом качестве? Могу представить себе, вы просто...

У меня закружилась голова. Я хотела подняться с диванчика и налить себе кофе, воды – чего угодно, лишь бы в голове у меня прояснилось и я начала наконец понимать, о чем говорит эта женщина, – но я лишь еще глубже зарылась в подушки. Она спрашивает, довольна ли я? Или делает официальное предложение? Из сказанного ею я не уловила ровным счетом ничего – ничего, кроме того, что понравилась Миранде Пристли.

– ...восхищены этим известием. Как тут не восхититься, не правда ли? Что ж, вы можете приступить в понедельник, идет? Придете ко мне за некоторыми общими указаниями, а потом сразу отправитесь в офис Миранды. Вообще-то она будет в Париже на показе, но это самое подходящее время. У вас будет возможность познакомиться с девочками, они все такие милые!

Общие указания? Что? Приступить в понедельник? Милые девочки? Мой неповоротливый мозг отказывался это понимать. Я не без труда выразила свое отношение к происходящему.

– Э... знаете... не думаю, что смогу в понедельник, – тихо сказала я, надеясь на то, что мои слова звучат осмысленно. Весь этот разговор свалился на меня как снег на голову. Вчера я впервые в жизни вошла в двери «Элиас-Кларк», и вот сейчас кто-то будит меня и говорит,

что мне следует приступить к работе через три дня. Сегодня пятница – проклятые семь утра, – а они хотят, чтобы я начала с понедельника? Все это ни в какие ворота не лезет. К чему такая безумная спешка?

Неужто эта женщина так загружена работой, что без меня ей не обойтись? И почему, судя по голосу, Шэрон так боится Миранды?

Приступить к работе в понедельник невозможно. Мне негде жить. Моим постоянным местом жительства был дом моих родителей в Эйвоне, куда я неохотно вернулась после окончания университета и где оставалась большая часть моих вещей, пока я путешествовала летом. Вся моя одежда валялась на диванчике у Лили, я старалась сама мыть посуду, вытряхивала пепельницы и покупала мороженое в огромных количествах, поэтому она терпела меня, но я думала, что будет только справедливо дать ей отдохнуть от моего набившего оскомину присутствия, и перебралась на уик-энд к Алексу. Таким образом, вся моя выходная одежда и косметика были у Алекса в Бруклине, мои разношерстные костюмы – у Лили в Гарлеме, а все остальное добро – у родителей в Эйвоне. У меня не было жилья в Нью-Йорке, и я никак не могла понять, почему все окружающие уверены в том, что Мэдисон-авеню ведет к окраине, а Бродвей – к центру города. Мне даже не вполне было ясно, что такое «окраина». И она хочет, чтобы я приступила к работе в понедельник?!

– Э... понимаете... я не уверена, что смогу с понедельника, ведь у меня в Нью-Йорке нет постоянного жилья, – быстро говорила я, сжимая в руке телефонную трубку. – Мне нужно несколько дней, чтобы найти квартиру, купить какую-то мебель, переехать.

– О, ну тогда конечно. Думаю, среда подойдет, – бросила она.

Поторговавшись еще несколько минут, мы сошлись на следующем понедельнике, семнадцатом ноября. Таким образом, у меня оставалось чуть больше восьми дней, чтобы найти и обставить квартиру на одном из самых безумных рынков жилья в мире.

Я положила трубку и повалилась на диван. Руки у меня тряслись, телефон упал на пол. Неделя. Через неделю я приступлю к работе и стану помощницей Миранды Пристли. Подождите-ка! Один момент... Ведь на самом деле я еще не получила работу, потому что официального предложения не было. Шэрон даже не произнесла обычное в таких случаях «мы бы хотели предложить вам» – похоже, у нее не было и тени сомнения, что любой, у кого в голове есть хоть капля ума, не сможет дать отрицательного ответа. Я чуть не расхохоталась. Что это, какая-то тактическая операция, которую они блестяще провернули? Подождали, пока жертва после беспокойной ночи погрузится в глубокий сон, а потом набросились на нее с ошеломляющим судьбоносным известием? А может, она просто рассудила, что делать традиционное предложение и ожидать ответа – это бессмысленная трата времени и сил? Ведь это же «Подийум»! Шэрон не сомневалась, что я не упущу такой возможности, что я взволнована ею до глубины души. И она оказалась права, как все они в «Элиас-Кларк» всегда оказываются правы. События развивались с фантастической быстротой, и у меня не было времени все обдумать, как это мне обычно свойственно. Но кроме того, я почувствовала, что это действительно шанс. Глупо было бы упускать его, ведь он мог потом помочь попасть в «Нью-Йоркер». Я обязана попробовать. Мне повезло.

Вновь воодушевившись, я залпом допила кофе, сварила еще одну чашку для Алекса, быстренько приняла горячий душ. Когда я вернулась в комнату, он только что проснулся.

– Ты уже оделась? – спросил он, нащупывая маленькие очки в тонкой оправе, без которых почти ничего не видел. – Утром кто-то звонил или мне приснилось?

– Не приснилось, – сказала я, забираясь под одеяло, хотя на мне были джинсы и свитер. Я старалась, чтобы мои мокрые волосы не касались его подушки. – Это была Лили. Женщина из отдела кадров «Элиас-Кларк» позвонила ей, потому что я оставила им ее номер. Ну и что ты думаешь?

– Ты получила работу?

– Я получила работу.

– Ого! Ну иди ко мне, – сказал он, приподнимаясь и обнимая меня. – Я так тобой горжусь! Это здорово, правда здорово.

– Значит, ты думаешь, из этого выйдет толк? Мы уже говорили об этом, но сейчас они даже не дали мне возможности решить. Они просто не сомневались, что я хочу получить эту работу.

– Все складывается удачно. Модельный бизнес не самая плохая вещь на свете. Может, тебе даже понравится.

Я закатила глаза.

– Ну ладно. Но упоминание «Подиума» в твоей анкете и рекомендация этой женщины, Миранды, а может, даже нескольких блестящих материалов, которые ты к тому времени тиснешь, – черт, да ты сможешь все, что угодно. «Нью-Йоркер» будет охотиться за тобой.

– Хотелось бы верить, да, хотелось бы. – Я соскочила с кровати и начала собирать свои вещи в рюкзачок. – Ты по-прежнему не возражаешь, если я возьму твою машину? Чем скорее я попаду домой, тем скорее вернусь. Тут ничего такого, ведь я все равно переезжаю в Нью-Йорк. Это дело решенное.

Алекс дважды в неделю ездил домой в Уэстчестер, чтобы посидеть с младшим братишкой в дни, когда его мама работа допоздна. Поэтому она отдала ему свой старый автомобиль. Но машина понадобится ему только во вторник, к тому времени я уже вернусь. Я в любом случае планировала смотаться домой в эти выходные, а сейчас у меня к тому же хорошие новости.

– Ну конечно. Какие проблемы?... Она в полуквартале отсюда, на Гранд-стрит. Ключи на кухонном столе. Звякни, когда доедешь, ладно?

– Обязательно. А ты не хочешь поехать? Будет потрясающий обед – ты же знаешь, моя мама заказывает все самое лучшее.

– Звучит заманчиво. Я хотел бы, но мы договорились с молодыми учителями завтра вечером собраться – повеселиться. Мне кажется, это поможет нам сработаться. Я не могу не пойти.

– Ах ты, несчастный филантроп. Все творишь добро, повсюду, где бы ни появился. Я бы тебя возненавидела, если бы не любила так сильно. – Я наклонилась и поцеловала его.

– Смейся-смейся. Ну, хороших тебе выходных.

– И тебе тоже. Пока.

Я сразу же нашла его маленькую зеленую «джетту» и всего через двадцать минут выехала на шоссе, где почти не было машин. Похолодало, столбик термометра упал ниже нуля, и на обочинах виднелись замерзшие лужицы. Но зимнее солнце светило вовсю, так что глаза с непривычки слезились, в легкие вливался чистый холодный воздух. Весь путь я проделала с опущенным стеклом и несколько раз прослушала песню «Солнечный свет» группы «Линен». Я собрала свои влажные волосы в конский хвост, чтобы они не падали на глаза, и дула на руки, чтобы они согрелись – по крайней мере согрелись настолько, чтобы держать руль. После университета прошло всего полгода, и вот уже в моей жизни грядут великие перемены. Миранда Пристли, женщина, которую я до вчерашнего дня не знала, но, безусловно, наделенная большой властью, выбрала меня для работы в своем журнале. Теперь я с полным основанием могу покинуть Коннектикут и переехать – совсем одна, прямо как взрослая, – на Манхэттен и поселиться там. Я ехала в город своего детства, и радостное волнение переполняло мое сердце. Щеки у меня покраснелись и горели от ветра, волосы развевались. На моем лице не было косметики, и я испачкала джинсы, когда пробиравлась через городскую слякоть, но в тот момент я чувствовала себя красавицей. Вот такая – ненакрашенная, холодная – бросилась я открывать входную дверь и позвала маму. Мне было тогда так легко, как не было уже больше никогда.

– Через неделю? Солнышко, я не представляю, как ты можешь начать работать через неделю, – сказала мама, помешивая ложечкой чай. Мы, как обычно, сидели за кухонным столом; мама, как всегда, пила чай без кофеина с сахарозаменителем, я – «Английский завтрак» с сахаром. Я не жила дома уже четыре года, но двух больших кружек чая и вазочки с арахисовым маслом хватило, чтобы мне показалось, что я отсюда и не уезжала.

– Выбора у меня нет, и, если честно, мне повезло. Ты бы слышала эту женщину, как она говорила по телефону. – Мама молча посмотрела на меня – ну и что с того?... – Я все-таки буду работать в очень известном журнале, у одной из самых влиятельных женщин в этой отрасли. Да за такую работу миллионы девушек готовы на что угодно!

Мы улыбнулись друг дружке, только ее улыбка была печальной.

– Я так рада за тебя, – сказала она. – Совсем взрослая красавица дочь. Солнышко, ведь для тебя начинается такое чудесное, замечательное время. Ах, помню, как я окончила колледж и приехала в Нью-Йорк. Совсем одна, а город такой большой – безумный город. Пугающий, но такой волнующий. Я хочу, чтобы ты наслаждалась каждой минутой, проведенной в Нью-Йорке, чтобы тебе понравились его спектакли и фильмы, его люди, его книги, его магазины. Ты вступаешь в лучшую пору своей жизни – я знаю это по себе. – Она положила свою руку на мою, что делала нечасто. – Я так тобой горжусь.

– Спасибо, мамочка. А ты, случайно, не настолько гордишься мной, чтобы купить мне квартиру, мебель и помочь обновить гардероб?

– Вот-вот, – сказала она и, шлепнув меня по голове журналом, направилась к микроволновке, чтобы налить еще две чашки чаю. Она мне не отказала, но и за чековой книжкой тоже не потянулась.

Остаток вечера я связывалась по электронной почте со всеми своими знакомыми и спрашивала, не нужен ли им компаньон, чтобы вместе снимать квартиру, и не знают ли они тех, кому это нужно. Я отправляла послания и звонила людям, с которыми не общалась месяцами. Безрезультатно. Я решила, что, если я не хочу застрять на диванчике у Лили и неизбежно разрушить нашу дружбу или поселиться у Алекса, к чему ни он, ни я не были готовы, мне остается только одно – снять что-нибудь на короткий срок, пока я не начну ориентироваться в городе. Надо подыскать себе комнату, и желательно меблированную, чтобы не возиться с этим.

Около полуночи зазвонил телефон, я рывком потянулась к нему и чуть не свалилась со своей детской кровати. Со стены улыбалась вставленная в рамку фотография теннисистки Крис Эверт – кумира моего детства – с ее автографом; над ней все еще висели журнальные вырезки с актером Керком Камероном, который был моим первым детским увлечением.

– Привет, мышка, это Алекс. – По его голосу было ясно, что у него есть новости, но не ясно, плохие или хорошие. – Я только что получил сообщение, что одна девушка, Трейси Макмэйкин, ищет кого-нибудь, чтобы вместе снимать квартиру. Она из Принстона. Кажется, я ее раньше видел. Вроде бы она встречается с Эндрю, ничего плохого о ней не знаю. Тебе это интересно?

– Ну конечно. А у тебя есть ее номер?

– Нет, только электронная почта, но я перешлю тебе ее сообщение, и ты сможешь связаться с ней. Она, кажется, ничего.

После разговора с Алексом я написала Трейси и наконец легла спать в свою собственную постель. Может быть – по крайней мере не исключено, – это сработает.

Побывала у Трейси Макмэйкин: ничего особенного. Темная и унылая квартирка посреди Хеллс-Китчен². Когда я туда приехала, по ступенькам взбирался какой-то наркоман.

² *Хеллс-Китчен (Адская кухня)* – район между Тридцать четвертой и Пятьдесят девятой улицами, Восьмой авеню и

Все остальное было не намного лучше. Одна парочка, сдающая комнату в своей квартире, все время намекала, что они привыкли часто и шумно заниматься сексом; у другой хозяйки – художницы немного за тридцать – было четыре кошки, и она страстно желала иметь еще больше. Одна комната помещалась в конце длинного темного коридора, в котором не было ни окон, ни стенных шкафов; другую сдавал двадцатилетний парень-гей в своем «бардачке». И все эти жалкие клетушки стоили больше тысячи долларов, а моя предполагаемая зарплата приближалась к тридцати двум с половиной тысячам в год. И хотя я не была сильна в математике, не нужно было никаких особенных талантов, чтобы подсчитать, что на жилье у меня уйдет более двенадцати тысяч от этой суммы. Да еще мои родители закрыли мою кредитку «для экстренных случаев», раз уж теперь я стала «взрослая». Мило.

Лили наконец пришла в себя после трехдневной депрессии. Будучи непосредственно заинтересованной в том, чтобы освободить от меня свой диванчик, она связывалась по электронной почте со всеми своими знакомыми. У ее сокурсника по Колумбийскому университету был друг, у которого был босс, тот знал двух девушек, которые искали компаньонку, чтобы вместе снимать квартиру. Я тут же позвонила очень милой девушке по имени Шанти, и она сказала мне, что они с подругой Кендрой ищут кого-нибудь, кто бы поселился с ними в квартире на Манхэттене; комната была совсем крошечной, но в ней имелись окно и встроенный шкаф, одна стена была из неоштукатуренного кирпича. Стоила она восемьсот долларов. Я спросила, есть ли в квартире ванная и кухня. Оказалось, что они там были (конечно, без посудомоечной машины и ванны, да и лифта в доме не было, – но вряд ли стоило надеяться на роскошные условия в своей первой квартире). В целом это было то, что надо. Шанти и Кендра оказались очень милыми и спокойными индианками; они только что окончили университет Дьюка, с утра до вечера пропадали на работе в инвестиционных банках, и, как мне показалось в первый день и в чем я не разуверилась и после, были совершенно неотличимы одна от другой. Так я обрела свой дом.

Глава 3

Я прожила в своей новой квартире уже три дня и все никак не могла к ней привыкнуть. Комната была очень маленькая, ну, может, чуть побольше кладовки в нашем доме в Эйвоне, но вряд ли. Обычно, когда обставляешь мебелью пустое пространство, оно увеличивается в размерах – моя же комната съезжилась вдвое. Впервые увидев эти девять квадратных метров, я наивно решила, что комната почти нормальна и не хватает только обстановки: кровати, платяного шкафа, может, одного или двух ночных столиков. Мы с Лили взяли машину Алекса и поехали в «Икею» – Мекку для вчерашних студентов, подбирающих себе мебель-ровку. Кровать и все прочее мы выбрали из светлого дерева, прикупили и плетеный коврик, расцвеченный всеми небесными оттенками – от голубого до сине-фиолетового. Интерьер, как и мода, не является моей сильной стороной, но я думаю, что тогда у «Икеи» был «голубой период». Мы купили стеганое одеяло – все в синих крапинках и самое легкое, какое у них только нашлось. Лили посоветовала приобрести бумажный китайский абажур для ночного столика, а я выбрала несколько черно-белых фотографий в рамках, чтобы оттенить красную шероховатую стену. Элегантно и естественно, в духе дзен-буддизма. Как раз то, что нужно для первого взрослого жилья в большом городе.

Так мне казалось до тех пор, пока все это не привезли. Измерение на глаз и точное обмеривание дают совсем разные результаты. Купленная мебель в комнате не умещалась. Алекс собирал кровать, и когда ему удалось-таки установить ее напротив «намеренно неоштукатуренной» кирпичной стены (на Манхэттене так называют недоделанные стены), она заняла все пространство. Мне пришлось отослать назад платяной шкаф с шестью отделениями, два очаровательных ночных столика и даже большое напольное зеркало. Но Алекс с грузчиками приподняли кровать, и я умудрилась-таки засунуть под нее мой небесного цвета коврик, и лазурная кромка выглядывала из-под этого деревянного мастодонта. Не на что было поставить абажур, и в конце концов я приткнула его на полу, на пятнадцати незанятых сантиметрах между кроватью и раздвижной дверью встроенного шкафа. И хотя я перепробовала специальную клейкую ленту для картона, гвозди, упаковочный скотч, шурупы, проволоку, суперклей, двустороннюю клейкую ленту и все известные мне проклятия, фотографии отказывались держаться на кирпичной стене. Промучившись почти три часа и ободрав до крови костяшки пальцев, я в конце концов пристроила их на подоконнике. Так даже лучше, думала я, хоть какая-то защита от любопытных глаз женщины, живущей напротив. На самом же деле все эти неприятности не имели никакого значения. Было не важно, что окно выходит на вентиляционную шахту и в него совсем не видно неба, не важно, что стенной шкаф был слишком мал для зимнего пальто. Это была моя первая комната, которую я могла обставить сама, без малейшего вмешательства родителей или живущих здесь же приятелей, – и мне она очень нравилась.

Был вечер воскресенья, до начала работы оставалась только одна ночь, и я мучилась неразрешимой задачей, думая о том, что мне надеть завтра. Кендра, наиболее приятная из двух моих товаров, то и дело просовывала в дверь голову и мягко спрашивала, не может ли она чем-то мне помочь. Зная, в каких ультраконсервативных костюмах обе они ходят на работу, я отклоняла все их попытки меня принарядить. Я прошла через гостиную, если

можно так назвать комнату, длина которой составляла всего-навсего пять больших шагов, и села на пуфик перед телевизором. Хотела бы я знать, что следует надевать, если предстоит работать у великолепно разбирающегося в моде редактора самого модного в мире журнала мод. Я слышала, конечно, о Праде (от девушек-японок, которые таскали в университет рюкзаки от этого модельера); о Луи Вюиттоне (потому что обе мои бабки щеголяли фирменными сумками, даже не подозревая о собственной продвинутости) и о Гуччи (потому что кто же не знает Гуччи?). Но у меня не было ни единой шмотки ни от кого из них, а если бы даже творения всех троих вдруг оказались в моем миниатюрном стенном шкафчике, я все равно не знала бы, что с ними делать.

Я вернулась в свою комнату – точнее, к моему огромному, от стены до стены, ложу, которое я и называла «своей комнатой», – и повалилась на эту большую красивую кровать, ударившись лодыжкой о ее чудовищных размеров осто́в. Вот дерьмо! Ну и что теперь?

После продолжительной истерики со швырянием одежды я остановила свой выбор на голубом кашемировом свитере и черной юбке по колено, а к ней – черных по колено же сапогах. Я уже поняла, что портфель не пользуется успехом, поэтому мне оставалась только черная холщовая сумочка. Последнее, что я еще помню о той ночи, – это как я дефилировала вокруг своей огромной кровати на высоких каблуках, в юбке, но без блузки, а потом, сев, переводила дух после только что затраченных титанических усилий.

Должно быть, из-за всех этих переживаний я в конце концов отключилась, потому что разбудил меня в шесть утра не иначе как всплеск адреналина. Я пулей вылетела из постели. Все последнее время нервы у меня были как натянутые струны, и сейчас голова раскалывалась от перенапряжения. У меня оставалось полтора часа на то, чтобы принять душ, одеться и добраться от моего коммунального жилья на пересечении Третьей авеню и Девяносто шестой улицы до центра, пользуясь при этом все еще непривычным и таящим в себе всевозможные опасности общественным транспортом. Таким образом, у меня в запасе было час на дорогу и полчаса на то, чтобы привести себя в порядок.

Душ был отвратителен. Он пищал, словно собачий свисток, и все время, пока я находилась в ледяной ванной, вода текла чуть тепленькая, – зато потом она становилась просто обжигающей. Такое безобразие продолжалось три дня, в конце концов я стала выскакивать из постели, включать душ, а потом прыгать под одеяло еще на пятнадцать минут. Немного вздремнув и лишний раз послушав будильник, я вновь бросалась в ванную, где к тому времени зеркала уже запотевали от чудесной горячей – хотя и льющейся тонкой струйкой – воды.

Через двадцать пять минут, напаялив свою нехитрую экипировку, я уже была за дверью, установив личный рекорд. Всего через десять минут я нашла ближайшую станцию подземки – это следовало сделать раньше, но я была слишком занята, чтобы последовать совету мамы и заранее проделать дорогу от дома до места будущей работы, что избавило бы меня от блужданий в ответственный момент. Когда ездил устраиваться на работу, я брала такси, и у меня не было никаких сомнений в том, что необходимость пользоваться подземкой – это наказание божье. Но дежурная по станции удивительным образом оказалась на месте и говорила по-английски; она посоветовала мне ехать до Пятьдесят девятой улицы по шестой линии, сказав, что я выйду прямо на Пятьдесят девятую улицу и мне останется пройти два квартала на запад до Мэдисон-авеню. Проще простого. В вагоне было холодно и тихо; не много нашлось таких ненормальных, кто, как и я, встал в разнесчастные шесть утра да еще потащился куда-то, когда на дворе стояла середина ноября. Все было хорошо, пока не пришло время выходить на улицу.

Я поднялась по ступенькам и оказалась в холодном сумраке, где единственным источником света были горящие окна круглосуточных пивнушек. Позади меня виднелся универмаг «Блумингдейл», больше ничего знакомого вокруг не было.

«Элиас-Кларк», «Элиас-Кларк», «Элиас-Кларк»... Ну и где он? Я вертела головой, пока не увидела указатель: «Шестидесятая улица и Лексингтон-авеню». Что ж, Пятьдесят девятая улица должна быть где-то недалеко, но в какую сторону мне идти, чтобы это было «на запад»? И где находится Мэдисон-авеню? В тот первый раз меня высадили прямо у входа в здание, и сейчас я не видела ничего, что напоминало бы окрестности «Элиас-Кларк». Я немного поблуждала, радуясь, что у меня еще оставалось на это время, и наконец толкнулась в закусочную, чтобы выпить чашку кофе.

— Доброе утро, я, кажется, не могу найти дорогу к «Элиас-Кларк-билдинг». Вы не подскажете мне, как туда добраться? — спросила я нервного человека за кассовым аппаратом. Я постаралась не улыбаться: все мои нью-йоркские знакомые рекомендовали мне не делать этого, потому что «здесь не Эйвон» и люди «не привыкли отвечать добром на добро». Человек хмуро глянул на меня, и я занервничала от того, что он, наверное, считает меня грубой. Я улыбнулась.

— Одна доллa, — сказал он, протягивая руку.

— Это за то, чтобы объяснить мне дорогу?

— Одна доллa, молоко, без молока, что ваша хочет.

Я не сразу поняла, что все его познания в английском ограничиваются продажей кофе.

— О, с молоком в самый раз. Спасибо большое. — Я отдала доллар и вышла наружу в еще большей растерянности. Я спрашивала продавцов в газетных киосках, дворников, даже бродягу, который прикорнул за продуктовым фургончиком. Но никто не владел английским настолько, чтобы суметь объяснить мне, как пройти к Пятьдесят восьмой улице и Мэдисон-авеню. Перед глазами у меня замелькали картины прошлого: Дели, депрессия, дизентерия. Нет! Я найду то, что мне нужно.

Еще после нескольких минут бесцельного блуждания по просыпающемуся городу я и впрямь наткнулась на главный вход «Элиас-Кларк». Сквозь стеклянную дверь проникал мягкий свет из вестибюля, в утреннем полумраке здание казалось уютным и гостеприимным. Но когда я толкнула вращающуюся дверь, она не поддалась. Я толкала снова и снова, но лишь после того, как я с размаху налегла на дверь всем своим весом, при этом чуть не припечатавшись лицом к стеклу, она чуть-чуть приоткрылась. Сначала она двигалась еле-еле, и это поощряло меня действовать энергичнее, но, набравшись сил, стеклянное чудовище вдруг повернулось вокруг своей оси и швырнуло меня внутрь, так что я чуть не упала; после этого дверь вернулась в исходное положение. Охранник при входе расхохотался.

— Норовистая, да? Уже не в первый раз я такое вижу, да и не в последний! — хихикал он, и его жирные щеки тряслись. — Зверюга лягается дай Боже.

Одного взгляда на него хватило, чтобы понять, что я возненавижу его и что он всегда будет относиться ко мне с неприязнью независимо от того, как я себя поведу. Все же я улыбнулась.

— Меня зовут Андреа, — сказала я, снимая вязаную перчатку и протягивая руку, — сегодня я поступаю на работу в «Подиум». Я новый секретарь Миранды Пристли.

— Сочувствую! — взревел он, ликуя, вертя своей круглой башкой. — Так и запишите: я вам сочувствую. Ха! Ха! Ха! Эй, Эдуардо, ты только посмотри: Миранда нашла себе новую игрушку! Откуда ты только, такая наивная дурочка, взялась? Небось какая-нибудь сраная-Топика-долбаный-Канзас? Да она тебя живьем слопает, ха-ха-ха!

Прежде чем я успела ответить, к нам подошел тучный мужчина, одетый в такую же униформу, и без всякого смущения оглядел меня с головы до ног. Я приготовилась к новым насмешкам и взрывам хохота, но их не последовало. Напротив, лицо его подобрело, он посмотрел мне в глаза.

— Я Эдуардо, а этот идиот — Микки, — указал он на первого охранника, которому явно не понравилось, что Эдуардо своей обходительностью помешал веселью. — Обращать вни-

мания никакого не надо на него, он это разыгрывает вас. – Эдуардо говорил на нью-йоркском наречии с испанским акцентом. Он протянул мне регистрационную книгу. – Просто заполните сюда, и я выдам вам временный пропуск пройти наверх. Им скажете, что вам нужно заводить карточку с фотографией в отделе кадров.

Я, должно быть, посмотрела на него с благодарностью, потому что он смутился и подтолкнул ко мне книгу.

– Ну давайте, это заполните. И удачи вам сегодня, девушка. Она понадобится.

Я была слишком взволнована, чтобы его расспрашивать, да в этом и не было особой необходимости. Чуть ли не единственное, чем я действительно занималась на прошлой неделе, был поиск информации о моем новом боссе. Я с изумлением узнала, что Миранда Пристли – урожденная Мириам Принчек из лондонского Ист-Энда³. Ее семья, подобно множеству других правоверных еврейских семей, отличалась крайней бедностью и благочестием. Ее отец время от времени находил какие-то сомнительные приработки, но в основном они существовали на средства общины, потому что большую часть времени он уделял изучению древнееврейских текстов. Ее мать умерла, когда рожала Мириам, и мать ее матери переехала к ним, чтобы помочь вырастить детей. А детей в семье хватало. Одиннадцать, Мириам – самая младшая. Большинство ее братьев и сестер пошли по стопам отца и стали работать и молиться, некоторые сумели окончить университет и рано завели собственные огромные семьи. Мириам стала единственным исключением.

Скопив карманные деньги, которыми все старшие родственники снабжали ее по мере возможности, Мириам, едва ей стукнуло семнадцать лет, бросила школу (не доучившись всего три месяца) и поступила на работу к перспективному британскому дизайнеру, помогая ему (ей – если принять во внимание его ориентацию) в подготовке показов. Несколько лет она не покладая рук трудилась, чтобы создать себе репутацию в зарождающемся модельном бизнесе Лондона, а по ночам учила французский язык, пока ей не удалось получить место младшего помощника редактора французской версии журнала «Шик»; к тому времени у нее осталось очень мало общего с ее семьей. Они не понимали ее образа жизни, ее честолубия, она – их ветхозаветной набожности и крайней неприхотливости. Разрыв стал окончательным, когда после поступления в «Шик» двадцатичетырехлетняя Мириам Принчек стала Мирандой Пристли, сменив свое слишком явно указывающее на национальную принадлежность имя на более изысканное. Грубое наречие лондонских трущоб вскоре уступило место прекрасному литературному произношению, и еще до того, как Миранде исполнилось тридцать, она окончательно превратилась из еврейской простолюдинки в безупречную светскую даму. Быстро и решительно шагала она вверх по ступеням журнальной карьеры.

После того как она провела десять лет у штурвала французского «Подiums», «Элиас» отправил ее руководить американской версией журнала, что было уже потолком возможного продвижения. Она перевезла двух своих дочек и мужа – рок-звезду (он был рад-радешенек вырваться из малоперспективного Лондона и «раскрутиться» в Америке) в пентхаус между Пятой авеню и Семьдесят шестой улицей, и для журнала «Подиум» началась новая эра – эра Миранды Пристли. К тому времени, когда я там появилась, она длилась уже шесть лет.

По какому-то удивительно удачному стечению обстоятельств мне более месяца предстояло проработать в отсутствие хозяйки – каждый год она брала отпуск так, чтобы он начинался за неделю до Дня благодарения и кончался сразу после Нового года. Как правило, она проводила несколько недель в своей лондонской квартире, но в этом году, как мне сказали, она потащила своего мужа и дочек в поместье Оскара де ла Ренты в Доминиканской Республике, а Рождество и Новый год собиралась встречать в Париже, в отеле «Ритц». Кроме того, меня предупредили, что хотя она и «в отпуске», но на самом деле пребывает в состоянии

³ *Ист-Энд* – восточный (ранее – беднейший) район Лондона.

полной и непрерывной боевой готовности, что надлежит делать и всем ее служащим. В ее высочайшее отсутствие я буду как следует вышколена, и это избавит Миранду от страданий, причиняемых моими промахами, каковые в период обучения неизбежны. Это звучало обнадеживающе. Итак, ровно в семь часов утра я вписала свое имя в регистрационную книгу и впервые прошла через турникет. «Не робейте!» – крикнул мне вслед Эдуардо за секунду до того, как двери лифта сомкнулись.

На Эмили были замечательная блузка – облегающая и мятая одновременно – и оливкового цвета брюки. Она ждала меня в приемной с чашкой кофе и новым декабрьским номером «Подиума» в руках. Ее высокие каблуки покоились на стеклянном кофейном столике, был хорошо виден черный кружевной бюстгальтер сквозь хлопок блузки. Непричесанные рыжие волосы, рассыпавшиеся по плечам, и немного размазанная губная помада придавали ей такой вид, словно последние трое суток она провела в постели.

– Добро пожаловать, – невнятно пробормотала она, внимательно окидывая меня взглядом, так же как это только что сделал охранник. – Славные сапоги.

У меня дрогнуло сердце. Она серьезно? Или издевается? По ее тону понять это было невозможно. Ступни у меня болели, пальцы были чудовищно сжаты, но если меня и правда похвалили, то за такой комплимент от человека из «Подиума» стоило пострадать.

Эмили чуть задержала на мне взгляд, потом сбросила со стола ноги и театрально вздохнула:

– Что ж, начнем. Тебе очень повезло, что ее сейчас нет... Дело, конечно, не в том, что она... Одним словом, она классная, – закончила Эмили, и в этом проявилась (как я потом поняла) классическая паранойя внутренней политики «Подиума». Паранойя заключалась в том, что стоило служащим «Элиас-Кларк» помянуть – пусть и заслуженно недобрым словом – Миранду Пристли, как их мгновенно сковывал невыразимый страх, что она непременно узнает об этом, и совершался поворот на сто восемьдесят градусов. Впоследствии я часто развлекалась, наблюдая, как коллеги всячески стараются загладить богохульство, которое незадолго до этого себе позволили.

Эмили пропустила свою карточку через считывающее устройство, и мы молча пошли по извилистым коридорам к самому центру помещения – туда, где располагался кабинет Миранды. Я смотрела, как Эмили открывает двустворчатые двери; войдя, она бросила сумку и пальто на один из столов у входа в апартаменты нашей начальницы.

– Теперь это твое место, – указала она на полированный столик в форме перевернутой буквы «Г», стоявший напротив ее собственного. На столе были: новенький бирюзовый компьютер «Ап-Мак», телефон и пластиковая горка для документов, в ящиках уже лежали ручки, скрепки и записные книжки. – Я оставила тебе почти все свои канцелярские принадлежности. Мне проще заказать для себя новые.

Эмили только что повысили до старшего секретаря, и для меня освободилось место младшего. Элисон уже покинула приемную, заняв должность в отделе косметики, где в ее обязанности входило тестирование новинок и подробное описание косметических средств, увлажняющих кремов и всяческих шампуней. Я не была уверена, что работа в качестве секретаря Миранды дает надлежащую подготовку для выполнения этих функций, но впечатление было сильное. Факт оставался фактом: те, кто работал на Миранду, неплохо устраивались в жизни.

Остальные служащие начали прибывать около десяти часов, всего в редакции работало человек пятьдесят. Самым большим был отдел моды с тридцатью сотрудниками, включая помощников по аксессуарам. Повсюду слонялись люди из отделов косметики, макияжа и из арт-секции. Почти все они заглядывали к нам, чтобы поболтать с Эмили, услышать какую-нибудь сплетню о ее хозяйке и посмотреть на сотрудников. В то первое утро я перезнакоми-

лась с массой людей, и все они были до крайности ухоженные, все белозубо улыбались и, казалось, были искренне мне рады.

Все мужчины были откровенными геями, облаченными в облегающие кожаные брюки и рубчатые майки, которые обтягивали их выпуклые бицепсы и рельефные мышцы торса. Арт-директор, стареющий блондин с начинающими редеть волосами цвета шампанского, выглядел так, будто посвятил всю свою жизнь соперничеству с Элтоном Джоном: он пользовался подводкой для глаз и носил мокасины из кроличьего меха. Здесь это было в порядке вещей. У нас в университете были голубые, я даже дружила с несколькими, но ни один из них не выглядел так, как эти. Казалось, вокруг меня собрали полный актерский и технический состав бродвейского мюзикла «Рента» – только с лучшими костюмами.

Женщины, или, точнее, девушки, были красивы, и каждая – по-своему. Они будоражили воображение. Большинству на вид было лет двадцать пять, и ни одной из них нельзя было дать больше тридцати. Почти у всех на безымянных пальцах сияли огромные кольца с бриллиантами, но, глядя на этих девушек, невозможно было представить себе, что они когда-либо рожали – или вообще могли родить. Они входили и выходили, двигаясь на своих десятисантиметровых каблуках плавно и грациозно, протягивали мне свои ухоженные молочно-белые руки с длинными пальцами и называли себя: «Джоселин, я работаю с Хоуп», «Николь из отдела моды» или «Стеф, я занимаюсь аксессуарами». Только одна девушка, Шейна, была ниже ста восьмидесяти, но она была такой субтильной, что, казалось, ей не выдержать еще пары сантиметров. Все они весили меньше пятидесяти пяти килограммов.

Я сидела на вращающемся стуле и пыталась запомнить все эти имена – и тут вошла девушка, которая была красивее всех виденных мной сегодня. На ней был кашемировый свитер, похожий на нежное розовое облако. Изумительные белокурые локоны ниспадали на плечи. На ее сто восемьдесят с лишним сантиметров роста, казалось, приходилось ровно столько веса, сколько нужно, чтобы тело сохраняло вертикальное положение; при этом двигалась она с грацией танцовщицы. На ее щеках играл румянец, на руке сверкало обручальное кольцо с бриллиантом в четыре карата. Наверное, она перехватила мой взгляд, потому что сунула руку мне под нос.

– Я сама это придумала, – объявила девушка, любуясь своей рукой и следя за моей реакцией.

Я посмотрела на Эмили, чтобы она намекнула мне, кто это может быть, но Эмили разговаривала по телефону. Я полагала, девушка имеет в виду, что она сама придумала дизайн своего кольца, но тут она сказала:

– Разве не превосходный оттенок? Один слой «Зефира» и один слой «Балета». Вообще-то основа – «Балет». Здорово получается – светлый тон, и нет впечатления, что одно просвечивает сквозь другое. Я так теперь всегда буду делать.

Она повернулась и с важным видом удалилась. «Да, мне тоже было приятно с вами познакомиться», – мысленно проговорила я ей вслед.

Мне понравились коллеги; все они казались очень добрыми и милыми, и все – кроме этой чудаковатой красотки, влюбленной в собственные ногти, – проявляли ко мне, казалось, неподдельный интерес. Эмили не бросала меня на произвол судьбы. Она пользовалась любой возможностью чему-то меня научить. Не тратя лишних слов, давала понять, кто имеет реальный вес, с кем не следует связываться, а с кем стоит подружиться, потому что у них бывают лучшие вечеринки. Когда я описала Девушку с Маникюром, лицо Эмили оживилось.

– О! – выдохнула она с таким возбуждением, с каким не говорила ни о ком другом. – Правда она чудная?!

– Хм... ну да, она милая. Мы с ней толком не поговорили, она только показала мне свои ногти.

Эмили просто сияла от удовольствия:

– Ты ведь, конечно, знаешь, кто она такая?

Я напрягла свою память, пытаюсь вспомнить, на кого из кинозвезд, певиц или топ-моделей похожа эта девушка, но так и не решила. Значит, она знаменитость! Может, поэтому она и не представилась – думала, что я и так ее узнала. А я не узнала.

– Нет, если честно, не знаю. Она что, какая-то знаменитость?

Во взгляде, которым наградила меня Эмили, смешались недоверие и презрение.

– Хм... да, – сказала она, ударяя на этом «да», словно желая подчеркнуть, что я безнадёжная идиотка. – Это же Джессика Дюшан! – Эмили выжидающе помолчала. Я тоже выжидающе помолчала. Ничего. – Ты ведь знаешь, кто это, правда?

Я попыталась выудить из своей памяти что-нибудь с помощью этой новой информации, но в очередной раз пришла к заключению, что никогда ничего подобного не слышала. Кроме того, эта игра успела мне надоесть.

– Эмили, я никогда прежде ее не встречала и имя тоже в первый раз слышу. Не будешь ли ты любезна сказать мне, кто она такая? – Я изо всех сил старалась оставаться спокойной. Ирония заключалась в том, что меня вовсе не интересовало, кто эта девушка, но было очевидно: Эмили не успокоится, пока я окончательно не почувствую себя неудачницей. Она покровительственно улыбнулась:

– Ну конечно. Стоит только попросить. Джессика Дюшан – это Джессика Дюшан. Ну, знаешь самый известный французский ресторан в городе?! Это ресторан ее родителей! Очуметь, да?! Они невероятно богатые!

– Да ну? – Я попыталась изобразить воодушевление тем фактом, что эту потрясающе красивую девушку следует знать потому, что она дочка рестораторов. – Здорово.

После этого я ответила на несколько телефонных звонков, каждый раз представляясь как «Офис Миранды Пристли», причем и я, и Эмили переживали, что вдруг позвонит сама Миранда, а я не смогу сориентироваться. Панику внес звонок неизвестной мне женщины, которая рывкнула что-то неразборчивое, но с сильным британским акцентом, – я тут же перебросила трубку Эмили, даже не попытавшись сказать что-нибудь сама.

– Это она, – шептала я возбужденно, – возьми трубку.

Эмили впервые посмотрела на меня своим особенным взглядом: она не имела привычки подчеркивать свои эмоции, но ее поднятые брови и чуть опущенный подбородок ясно выразили сожаление и презрение.

– Миранда? Это Эмили, – сказала она, и лицо ее осветилось улыбкой, словно Миранда могла просочиться по телефонным проводам и увидеть ее. Молчание. Неодобрительно сдвинутые брови. – А, Мими, извини, пожалуйста! Это новая девушка решила, что ты Миранда! Да, очень смешно. Нам, похоже, надо приучаться к тому, что не каждый, у кого британский акцент, непременно наш босс. – Она выразительно посмотрела на меня, ее тщательно выщипанные брови еще больше округлились.

Она поболтала еще немного, пока я отвечала на звонки и принимала для нее сообщения, потом перезвонила всем и прокомментировала степень важности каждого звонившего в жизни Миранды Пристли. Около полудня, когда стали ощущаться первые приступы голода, я сняла трубку и услышала британский акцент.

– Алло? Элисон, это вы? – прозвучал холодный властный голос. – Мне понадобится юбка.

У меня расширились глаза, я прикрыла трубку рукой.

– Эмили, это она, это точно она, – шептала я, размахивая трубкой, чтобы привлечь ее внимание, – она хочет юбку!

Эмили повернулась, увидела мое возбужденное лицо и сразу же оборвала разговор, даже не сказав «я перезвоню вам позже» или хотя бы «всего хорошего». Она нажала кнопку, чтобы переключить Миранду на свою линию, и вновь расплылась в улыбке.

– Миранда? Это Эмили. Что я должна сделать? – Она наморщила лоб и яростно застрожила что-то в блокноте. – Ну да, конечно. Обязательно.

Все закончилось так же внезапно, как и началось. Я выжидательно смотрела на нее. Она вытаращила глаза, передразнивая мое нетерпение.

– Что ж, похоже, у тебя есть первое задание. Миранде к завтрашнему дню нужна юбка и еще кое-что в придачу, так что нам надо будет отправить все это самолетом сегодня вечером, не позже.

– И какая юбка ей нужна? – спросила я, пытаюсь уложить в голове тот факт, что юбка полетит в Доминиканскую Республику только из-за того, что она затребована Мирандой Пристли.

– Она не сказала, – пробормотала Эмили невнятно, так как в этот момент набирала номер телефона.

– Привет, Джоселин, это я. Ей нужна юбка. Сегодня вечером полетит миссис де ла Рента, и я должна доставить ей юбку, чтобы она передала Миранде. Нет, понятия не имею. Нет, она не сказала. Я правда не знаю. Ну ладно, пока. Спасибо. – Она повернулась ко мне и сказала: – Когда она не конкретизирует, это осложняет дело. Она слишком занята, чтобы беспокоиться о таких мелочах, вот и не назвала ни ткани, ни цвета, ни фасона, ни фирмы. Но все в порядке. Я знаю ее размер, знаю ее вкус – и могу угадать, что ей точно понравится. Я сейчас говорила с отделом моды. Они всех мобилизуют.

Я представила себе Джерри Льюиса⁴, руководящего юбочной кампанией на фоне гигантского табло, под барабанную дробь: вуаля! Гуччи! – все аплодируют.

Не слабо. «Юбочная мобилизация» стала для меня первым примером абсурдности всего происходящего в «Подииуме», хотя, должна сказать, операция проводилась с военной четкостью. Мы с Эмили проинструктировали восемь человек из отдела моды, и каждый из них начал созваниваться с определенными – строго по списку! – дизайнерами и магазинами. Они запускали годами отлаженный механизм связей, вступали в контакт со «своими людьми» в домах моды и лучших универмагах Манхэттена, сообщая им, что Миранде Пристли – да, Миранде Пристли, да, именно для личного пользования – нужно то-то и то-то. Через пару минут механизм срабатывал, и человек из пиар-отдела Майкла Корса, Гуччи, Прады, Версаче, Фенди, Армани, Шанель, Барни, Хлоэ, Сони Рикель, Кельвина Кляйна, Бергдорфа, Роберто Кавалли и Сакса присылал (а иногда и приносил) все имеющиеся у них в наличии юбки, которые могли понравиться Миранде Пристли. Я наблюдала за развитием событий как за грандиозной хореографической постановкой, в которой каждый исполнитель точно знает, что и как он должен делать в каждый конкретный момент. Когда это действо, бывшее работникам «Подииума» не в диковинку, завершилось, Эмили послала меня за другими вещами, которые следовало отправить сегодня вместе с юбкой.

– Твоя машина ждет на Пятьдесят восьмой улице, – бросила она, одновременно говоря по двум телефонам и царапая для меня инструкцию на обрывке бланка «Подииума». Сделав короткий перерыв, она подтолкнула ко мне сотовый телефон и сказала: – Вот, возьми. Вдруг ты мне понадобишься или у тебя появятся вопросы. Никогда не отключай его и всегда отвечай на звонки.

Я взяла мобильник, листочек и стала спускаться к Пятьдесят восьмой улице, спрашивая себя, как я найду «свою машину» и что бы это вообще могло означать. Но только я вышла на улицу и неуверенно огляделась по сторонам, как ко мне приблизился приземистый бело-брысый мужчина с курительной трубкой в зубах.

⁴ Льюис, Джерри – комедийный актер, звезда Голливуда 50 – 60-х гг. XX в, ведущий комических шоу на телевидении и специального ежегодного телемарафона для дистрофиков в День труда.

– Ты новая девушка Миранды? – пророкотал он, не вынимая изо рта свою коричнево-красную трубку; губы у него обметало от постоянного курения.

Я кивнула.

– Я Рич, диспетчер. Если нужна машина – надо говорить мне. Поняла, красавица?

Я снова кивнула и забралась на заднее сиденье черного «кадиллака». Рич захлопнул за мной дверцу и помахал вслед.

– Так куда вам, мисс? – спросил водитель, возвращая меня к реальности. Я поняла, что не знаю, и вытащила из кармана свой листочек.

Первая остановка: студия Томми Хилфигера, Пятьдесят седьмая Западная улица, 355, шестой этаж. Спросить Линн, она даст все, что нужно.

Я назвала водителю адрес и уставилась в окно. Был холодный зимний день, час полудни; мне двадцать три года, я сижу на заднем сиденье «кадиллака», и меня везут в студию Томми Хилфигера. Мне со страшной силой хочется есть. Час был обеденный, но мы потратили почти сорок пять минут на то, чтобы проехать пятнадцать кварталов, – это было мое первое знакомство с нью-йоркскими пробками. Водитель сказал, что, пока я буду находиться в здании, он объедет вокруг квартала, и я отправилась в студию Томми. В приемной на шестом этаже я спросила Линн, и сверху прибежала очаровательная девчушка не старше восемнадцати лет.

– Привет! – крикнула она, растягивая «и». – Ты, должно быть, Андреа, новая секретарша Миранды. Мы все тут ее обожаем, так что добро пожаловать в команду!

Она улыбнулась. Я улыбнулась в ответ. Откуда-то из-под стола она вытащила объемистую пластиковую сумку и вытряхнула все ее содержимое на пол.

– Здесь у нас любимая трехцветная джинса Каролины и детские маечки. А Кэссиди просто обожает юбки цвета хаки – вот здесь оттенки оливок и щепенки.

Из сумки вылетели джинсовые юбки, курточки и несколько пар носков: одежды было столько, что ее хватило бы, чтобы одеть как минимум четверых подростков. Господи, кто такие эти Кэссиди и Каролина, думала я, глаза на вываленное добро. Какой уважающий себя человек наденет трехцветную джинсу Томми Хилфигера?

Наверное, у меня был растерянный вид, потому что Линн, вновь укладывая вещи, специально повернулась ко мне спиной и сказала:

– Просто я точно знаю, что дочкам Миранды все это понравится. Мы уже несколько лет поставляем им одежду, и Томми всегда сам ее подбирает.

Я с признательностью посмотрела на нее и перебросила сумку через плечо.

– Всего хорошего! – крикнула она, когда я уже была в лифте; на лице ее играла доброжелательная улыбка. – Почетная у тебя работа.

Я мысленно dokonчила: и миллионы девушек готовы ради нее на что угодно. И в этот момент, только что побывав в студии знаменитого дизайнера и забрав оттуда одежды на несколько тысяч долларов, я нисколько не сомневалась, что так оно и есть.

Начало было успешным; между тем день давно перевалил за середину. Я задалась вопросом, не слишком ли много себе позволю, если потрачу минуту на то, чтобы перехватить сэндвич, и пришла к выводу, что двух мнений здесь быть не может. Я ничего не ела с семи утра, когда купила круассан, а сейчас было уже почти два. Я попросила водителя притормозить у закусочной и в последний момент решила взять сэндвич и ему тоже. У него челюсть отвисла, когда я подала ему индейку с горчицей, и я подумала, что, возможно, поставила его в неловкое положение.

– Просто мне показалось, что вы тоже голодны, – сказала я, – вы ведь целый день за рулем, вряд ли у вас есть время на еду.

– Спасибо, мисс, я признателен. Я уж семнадцать лет вожу девушек из «Элиас-Кларк», но они не такие заботливые. Вы очень милая. – Он говорил с сильным акцентом, но я не могла определить, каким именно.

Я поймала его взгляд в зеркале заднего вида, и вдруг меня охватило дурное предчувствие. Но оно тут же исчезло, и мы с ним сидели в пробке, жевали индейку и слушали его любимые песни, которые, с моей точки зрения, больше походили на истерический женский визг – непрерывное повторение одних и тех же слов на неизвестном мне языке под бесконечное бречание ситара.

Следующее, что я должна была сделать согласно инструкции Эмили, – это забрать белые шорты, без которых Миранда не могла играть в теннис. Я думала, что за шортами надо ехать к Поло, но Эмили написала «Шанель». Белые теннисные шорты от Шанель? Мы приехали в салон, и немолодая женщина, у которой из-за подтяжки лица глаза превратились в щелочки, вынула белые – хлопок с лайкрой – спортивные шорты нулевого размера на изящной вешалочке и положила их в бархатную упаковочную сумку. Как мне показалось, шорты были слишком малы не только для женщины, но даже для шестилетнего ребенка.

– Хм, а вы действительно думаете, что Миранда это наденет? – спросила я, внутренне готовая к тому, что женщина сейчас откроет свою бульдожью пасть и проглотит меня целиком. Она уставилась на меня.

– Я надеюсь, мисс, раз уж они скроены и сшиты на заказ и с учетом всех специфических особенностей ее телосложения, – огрызнулась она, вручая мне мини-шорты. – Да, и передайте ей, что мистер Копельман шлет ей наилучшие пожелания.

Ну конечно, леди. Кем бы ни был этот ваш Копельман.

Следующий пункт был обозначен Эмили как «по дороге к центру» – магазин «Компьютерный мир», неподалеку от мэрии. Оказалось, что только этот магазин во всем городе имеет в продаже игру «Воины Дикого Запада», которую Миранда желала презентовать Мозесу, сыну Оскара и Аннетт де ла Рента. К тому времени, когда как мы добрались до центра, я сообразила, что сотовый вполне годится для междугородних звонков и у меня есть удобная возможность рассказать родителям о своей замечательной работе.

– Пап? Привет, это Энди. Угадай, где я? Ну конечно, на работе, но сейчас я в машине, с водителем, мы с ним разъезжаем по Манхэттену. Я уже побывала у Томми Хилфигера и Шанель, сейчас куплю компьютерную игру и поеду домой к Оскару де ла Ренте на Парк-авеню. Там все и оставлю. Нет, это не для него. Миранда в Санто-Доминго, и Аннетт летит туда к ним. Ну конечно, на своем самолете. Что, пап? Санто-Доминго? Доминиканская Республика!

Голос отца звучал настороженно, но он был рад, что я так счастлива. А я пришла к выводу, что меня наняли в качестве курьера с высшим образованием. Ну что ж, меня это вполне устраивало. После того как я оставила сумку с одеждой от Хилфигера, шортами и компьютерной игрой невероятно импозантному швейцару в невероятно роскошных апартаментах на Парк-авеню (так вот что люди имеют в виду, когда с придыханием говорят о Парк-авеню!), я вернулась в «Элиас-Кларк». Когда я вошла, Эмили сидела на полу в позе лотоса и упаковывала подарки в белую бумагу, обвязывая свертки белыми атласными ленточками. Вокруг нее возвышались горы одинаковых по форме красных и белых коробок, их были сотни, может быть, тысячи; они занимали все пространство между нашими столами и терялись где-то в кабинете Миранды. Эмили не знала, что я наблюдаю за ней, а я видела, что она тратит на каждый сверток всего две минуты и еще пятнадцать секунд на то, чтобы украсить его атласным бантиком. Ее движения были отработанны и точны, она не теряла ни единой секунды, и гора свертков у нее за спиной все росла и росла, однако гора незапакованных коробок меньше не становилась. Я прикинула, что она могла просидеть так дня четыре – и все же не закончить.

Я позвала ее, стараясь перекрычать песенку восьмидесятых годов, доносившуюся из динамиков компьютера:

– Эй, Эмили, я уже здесь!

Она повернулась и мгновение, казалось, не понимала, кто я такая, глядя на меня совершенно пустыми глазами. Но затем она все же идентифицировала меня в качестве новой девушки.

– Ну и как? – быстро спросила она. – Все достала?

Я кивнула.

– Даже видеоигру? Когда я им позвонила, у них оставался только один диск. Ты успела?

Я снова кивнула.

– И ты отдала все это швейцару де ла Ренты? Одежду, шорты и так далее?

– Ну да. Все нормально. Все прошло как по маслу, я отдала вещи несколько минут назад. Мне только интересно, Миранда что, в самом деле будет носить эти...

– Послушай-ка, мне надо в туалет, я ждала, когда ты вернешься. Посиди минутку на телефоне, ладно?

– Ты что, ни разу не ходила в туалет с тех пор, как я ушла? – недоверчиво спросила я. Прошло уже пять часов. – Но почему?

Эмили завязала бантик на только что обернутой коробке и холодно посмотрела на меня.

– Миранда терпеть не может, когда кто-нибудь, кроме секретарей, отвечает на ее звонки; поэтому, если бы ты не появилась, я бы никуда и не пошла. Я могла бы выйти на минутку, но знала, что как раз сейчас у нее сумасшедшее расписание, и хотела быть уверена, что она в любой момент сможет связаться со мной. Поэтому мы никогда не уходим в туалет – или еще куда-нибудь, – не подменив друг друга. Мы должны работать вместе и всегда помнить о том, что работа должна максимально удовлетворять ее высоким стандартам. Это ясно?

– Вполне, – ответила я, – действуй. Я никуда не уйду.

Она вышла, а я оперлась рукой о стол, чтобы не упасть.

Нельзя выходить в туалет без согласования с центром? Она что, правда просидела здесь все пять часов, сдерживая позывы своего мочевого пузыря, потому что женщина, находящаяся за тысячи километров отсюда, могла позвонить в те две с половиной минуты, которые нужны, чтобы сбегать в дамскую комнату? Похоже, так оно и есть. Это несколько необычно, но я решила, что Эмили просто уж слишком исполнительна. Не может быть, чтобы Миранда и в самом деле требовала этого от своих секретарей. Или может?

Я вынула из принтера несколько листков бумаги и увидела, что они озаглавлены «Рождественские подарки»: одна, две, три, четыре, пять, шесть страниц с перечислением подарков и именами отправителей. Двести пятьдесят шесть предметов. Похоже на список даров к бракосочетанию английской королевы, и мне потребовалось некоторое время, чтобы просмотреть его. Там был набор косметики от Бобби Браун, присланный самой Бобби Браун, эксклюзивная кожаная сумочка от Кейт Спейд, присланная Кейт и Энди Спейд, винно-красный кожаный органайзер от Грейдона Картера, подбитый мехом норки спальник мешок от Миуччи Прады, браслет из бисера от Айрин Лодер, инкрустированные бриллиантами часики от Донателлы Версаче, ящик шампанского от Синтии Роули, маечка из бисера и вечерняя сумочка от Марка Бэдгли и Джеймса Мишки; Ирв Равиц прислал набор ручек от Картье, Вера Бонг – шиншилловый палантин, Альберта Ферретти – полосатый жакет, Розмари Браво – кашемировое одеяло. Но это было только начало. Там были сумочки всех форм и размеров – от Герба Риттса, Брюса Вебера, Жизель Бундхен, Хиллари Клинтон, Тома Форда, Кельвина Кляйна, Энни Лейбовиц, Николь Миллер, Адриены Виттадини, Кевина Окойна, Майкла Корса, Гельмута Ланта, Джорджио Армани, Джона Саага, Бруно Маглы, Марио Тестино и Нарсисо Родригеса – всех не перечислить. Там были дюжины уведомлений

о пожертвованиях, сделанных от имени Миранды в различные благотворительные учреждения; сотни бутылок вина; восемь или десять искусно ограненных камней от Фенди, пара дюжин ароматических свечей, несколько великолепных восточных керамических вещей, книги в окладах из тисненой кожи, принадлежности для ванны, шоколад, браслеты, икра, кашемировые свитера, фотографии в рамках и цветы (в горшках и без) в количестве, достаточном, чтобы декорировать один из тех китайских футбольных стадионов, на которых устраивают массовые бракосочетания для пятисот пар одновременно. О Боже мой! Уж не сплю ли я? И это случилось со мной? Я работаю у женщины, которая получила на Рождество двести пятьдесят шесть подарков от самых известных людей мира? Или не таких уж известных? Я не была в этом уверена. Сама я узнала только нескольких знаменитостей и модельеров, но понятия тогда не имела, что остальными были самые преуспевающие фотографы, визажисты, манекенщицы, светские знаменитости и вся руководящая верхушка «Элиас-Кларк». Как раз в тот момент, когда я гадала, знает ли Эмили, кто все эти люди, она вернулась. Я попыталась сделать вид, что не читала список, но она не имела ничего против.

– С ума сойти, правда? Миранда самая популярная женщина в мире, – выдохнула Эмили из самой глубины души. Она схватила листочки и уставилась на них с таким выражением лица, которое лучше всего описать как «сладострастное». – Ты видела когда-нибудь такие восхитительные вещи? Может, самое приятное в нашей работе – это открывать все ее подарки.

Я смутилась. Мы открываем ее подарки? Почему же она сама это не делает? Я спросила об этом у Эмили.

– Да ты что, рехнулась? Девяносто процентов всего этого Миранде не понравится. Некоторые подарки просто оскорбительны, я их даже показывать не буду. Вот, например, – сказала она, выхватывая маленькую коробочку. Это был радиотелефон фирмы «Бэнг энд Олуфсен» – серебристый, гладкий, обтекаемой формы, с диапазоном уверенного приема до двух тысяч миль. Всего несколько недель назад я была в универмаге, видела, как Алекс пускает слюни, любуясь на их стереосистему, и знаю, что такой телефончик стоит по крайней мере пятьсот долларов и имеет все навороты, какие только может пожелать небедный покупатель. – Мобильник. Представляешь, у кого-то хватило наглости послать Миранде мобильник. – Она перебросила его мне. – Возьми, если хочешь, я даже не буду ей это показывать. Она выйдет из себя, если узнает, что ей прислали что-то электронное.

Она произнесла слово «электронное» так, как будто оно означало то же, что «заразное».

Я спрятала добычу под стол и постаралась не улыбаться. Вот здорово! Это было именно то, чего так недоставало в моей новой квартирке (у меня в комнате был спаренный телефон), – и вот я получаю пятисотдолларовую вещь, при этом совершенно бесплатно.

– Ну вот, – продолжала Эмили, вновь усаживаясь на пол в позе лотоса, – давай-ка упакуем эти бутылки вина, а потом можешь открыть подарки, которые пришли сегодня. Они вон там, – указала она на разноцветную гору коробок, сумок и корзиночек за ее столом.

– А это то, что мы посылаем от имени Миранды, да? – спросила я, начиная заворачивать одну из коробок в плотную белую бумагу.

– Ну да. Каждый год, как обычно. Высшая каста у нас получает «Дом Периньон» – сюда входят руководители «Элиас» и видные дизайнеры, которые являются личными друзьями. Еще ее юрист и бухгалтер. Среднячкам мы посылаем «Вдову Клико», этих большинство: учителя девочек, стилисты, парикмахеры, Юрий и прочие. Для всякой мелкоты есть кьянти «Руффино». Это в основном те, кто присылает формальные подарки, только чтобы отделаться. Кьянти отправляется ветеринару, приходящим няням, которые замещают Кару, служащим магазинов, куда Миранда частенько заходит, и людям, которые ухаживают за ее летним домом в Коннектикуте. В общем, я заказала этого добра на двадцать пять тысяч дол-

ларов, «Шерри-Леман» заказ выполнил, и теперь у нас, как обычно, уйдет не меньше недели на то, чтобы все упаковать. Ничего, «Элиас» все оплатит.

– Наверное, было бы вдвое дороже, если бы упаковкой занимался «Шерри-Леман», да? – поинтересовалась я, все еще переваривая сведения о подарочной иерархии.

– Да ты что? – фыркнула она. – Уж можешь мне поверить, здесь не привыкли мелочиться. Просто Миранде не нравится их оберточная бумага. В прошлом году я пробовала давать им нашу белую, но у них все равно не получаются такие хорошенькие свертки.

В ее голосе прозвучала гордость.

За этим занятием мы просидели до шести часов, и Эмили неустанно просвещала меня относительно всего происходящего в этом странном и увлекательном мире, а я, по мере своих сил, старалась следить за ходом ее рассуждений. В тот момент, когда она расписывала, какой именно кофе любит Миранда (латте с двумя кусочками нерафинированного сахара), в дверях появилась запыхавшаяся блондиночка, державшая в руках плетеную корзину размером с детскую коляску. Внутрь она не входила, словно бы опасаясь, что, стоит ей сделать шаг, как мягкое серое ковровое покрытие превратится под ее ногами в зыбучий песок.

– Привет, Эм. Вот... юбки принесла. Извини, что так долго, – в такое время, между Днем благодарения и Рождеством, никого не найдешь. Думаю, тут ей кое-что должно понравиться, – кивнула она на свою корзину, полную сложенных юбок.

Эмили, все так же сидя на полу, посмотрела на нее с плохо скрываемым презрением.

– Положи на мой стол. Я отошлю назад все, что не подойдет. Наверняка большую часть, если их подбирала ты. – Последние слова она произнесла очень тихо, только для меня.

Блондиночка выглядела смущенной. Не бог весть что, но вполне миленькая. И с чего это Эмили так ее ненавидит? Я сегодня целый день моталась по городу, выслушивала ее поучения, пыталась запомнить сотни лиц и имен – так что тут я даже спрашивать не стала.

Эмили поднялась и, подбоченясь, заглянула в корзину. С пола мне было видно, что там лежало около двух дюжин юбок – разных цветов, из разных тканей и разной длины. Неужели она даже не намекнула, что именно хочет? Не сказала, для чего это ей нужно – для делового обеда, теннисного корта, а может, для того, чтобы на пляже надевать поверх купальника? Что подойдет лучше: шифон или хлопок? И откуда это можем знать мы?

Казалось, что сейчас я получу ответ. Эмили поднесла корзину к дверям кабинета Миранды и осторожно, с почтением поставила ее на ковер недалеко от меня. Сев на пол, она начала вынимать из нее юбки – одну за другой – и раскладывать их вокруг нас. Вот изумительной ажурной вязки полотнище радикального цвета фуксии – от Селин; жемчужно-серая юбка с запахом – от Кельвина Кляйна; черная замша, расшитая по низу черным же бисером, – от самого мистера де ла Ренты. Там были красные юбки, юбки цвета небеленого полотна и сиреневые, юбки из кашемира, юбки с кружевами. Длина нескольких была как раз такой, чтобы элегантно покачивать ими у самых лодыжек; другие были такие короткие, что напоминали колпачки от зубной пасты. Я взяла одну, длиной до середины икры, красавицу из коричневого шелка, приложила ее к талии – но ее ширины хватало только на одну мою ногу. Еще одна юбка опустилась на пол облаком тюля и шифона – казалось, она была сшита для светского раута на свежем воздухе где-нибудь в Чарлстоне. Потом показалась линялая джинса с огромным коричневым кожаным ремнем, потом нечто серебристое – полупрозрачный чехол и прозрачная, в морщинках, легкая верхняя юбка. Что же это такое?

– Похоже, юбки – это пунтик Миранды, а? – сказала я, чтобы хоть что-то сказать.

– Вообще-то нет. У нее есть некоторая страсть к шарфам. – Эмили избегала смотреть мне в глаза, как человек, признающийся, что подцепил лишай. – Это одна из ее причуд, о которых тебе следует знать.

– Да ну? – произнесла я, стараясь, чтобы в моем голосе звучало удивление, но не озабоченность. Страсть к шарфам? Я любила одежду, сумки, туфли – как любая другая девушка, –

но не могла бы назвать это страстью. И что-то в голосе Эмили подсказывало мне: тут все не так просто.

– Да, ей, конечно, может в том или ином случае потребоваться юбка, но по-настоящему она любит шарфы. Знаешь, это что-то вроде фирменного знака. – Она посмотрела на меня. По моему лицу было видно, что я не понимаю, к чему она клонит. – Ты ведь помнишь ее на собеседовании?

– Ну конечно, – быстро соврала я, чувствуя, что не стоит говорить этой девушке, что я и имя-то Миранды не могла запомнить, не то что ее одежду. – Но я не уверена, что помню шарф.

– Она всегда, всегда, всегда носит белый шарф от «Гермес». Чаще всего на шее, но иногда повязывает им волосы, а случается, использует вместо ремня. Это ее фирменный знак, фишка. Все знают, что Миранда Пристли носит белые шарфы от «Гермес», и не важно почему. Разве не здорово?

В этот самый момент я заметила, что сквозь шлевки джинсов Эмили пропущен желто-зеленый шарф, он едва выглядывал из-под ее белой маечки.

– Она любит иногда задать задачку, как сейчас, например. А эти идиоты из отдела моды никогда ничего путного достать не могут. Ты только посмотри, некоторые просто ужасны. – Она подняла потрясающе красивую струящуюся юбку, чуть более нарядную, чем все остальные, благодаря золотистому мерцанию на желто-коричневом насыщенном фоне.

– Н-да, – согласилась я, и это был первый из тысяч, миллионов случаев, когда я соглашалась с любимыми ее словами для того только, чтобы она замолчала. «Она просто отвратительная». Юбка была такая красивая, что я не отказалась бы надеть ее на свою свадьбу.

Эмили продолжала распространяться о юбках, о тканях, о потребностях Миранды и желаниях Миранды, время от времени поминая недобрым словом кого-нибудь из коллег. Наконец она выбрала три совершенно разные юбки и отложила их в сторону, чтобы отослать Миранде; все это время она говорила, говорила и говорила. Я устала слушать, было уже около семи, и я попыталась понять, голодна ли я, или это меня тошнит, или я чертовски устала. Наверное, все вместе. Я даже не заметила, как в комнате вдруг появился самый высокий человек, какого я когда-либо встречала в жизни.

– Ты! – раздалось откуда-то из-за моей спины. – Ну-ка встань, я на тебя посмотрю!

Я повернулась и увидела человека ростом определенно выше двух метров, с оливковой кожей и черными волосами, указывающего прямо на меня. В нем было не меньше ста двадцати килограммов, и он был такой мускулистый, пышущий здоровьем, что, казалось, мышцы вот-вот разорвут изнутри его джинсовый... кэтсют. Боже ты мой! На нем был кэтсют. Да-да, эротический комбинезон – обтягивающие брюки, ремень на талии, закатанные рукава. И накидка. меховая накидка размером с одеяло, обернутая вокруг его толстой шеи, и до блеска начищенные черные армейские сапоги, след от которых совпал бы по величине с теннисной ракеткой. На вид ему было лет тридцать пять, но мускулы, сильный загар и жесткие черты лица могли старить его лет на пять – или скрывать десять лишних. Он махал на меня руками и жестами показывал, чтобы я поднялась с пола.

Я встала, не в силах отвести от него глаз, и он тут же принялся осматривать меня.

– Ну так что мы здесь име-е-ем? – заревел он так, как только может реветь обладатель фальцета. – Ты хорошенькая, но уж слишком здравомыслящая. И тебе наплевать на то, как ты одета.

– Меня зовут Андреа. Я новый секретарь Миранды.

Он водил глазами по моему телу, изучая каждый его сантиметр. Эмили насмешливо улыбалась. Молчание было невыносимым.

– Сапоги по колено с юбкой до колена? Не шути так, деточка. На тот случай, если ты не заметила, если ты пропустила большие черные буквы вон там, на стене. Это журнал

«Подиум», деточка, самый, черт возьми, от-кутюрный журнал на планете. На планете! Но не волнуйся, милая, скоро ты не будешь выглядеть как серая мышка-лохушка, уж Найджел об этом позаботится.

Он положил свои лапищи мне на бедра и развернул меня к себе. Я чувствовала, как его взгляд изучает мои ноги и зад.

– Скоро, зайка, скоро, конфетка. Я тебе обещаю, материал позволяет. Хорошие ноги, красивые волосы, и главное – не толстая. С такими можно работать. Скоро, милая.

Я хотела обидеться, хотела вырваться из его рук и потом уж поразмыслить над тем, что какой-то незнакомый человек – и сослуживец, не иначе – только что выдал полный и непредвзятый отчет о моей одежде и моей фигуре, но у меня ничего не вышло. Мне понравились его добрые зеленые глаза, которые смеялись, но не насмехались, и – больше того – мне понравилось то, что со мной сейчас случилось: ведь это был Найджел – человек, единственный в своем роде, как Мадонна или Принц, – законодатель мод, которого даже я знала по телепередачам, журналам, светским хроникам – где он только не появлялся! – и он сказал, что я хорошенькая. И у меня хорошие ноги! Я простила ему даже «мышку-лохушку». Мне безумно понравился этот парень.

Откуда-то доносился голос Эмили, она просила оставить меня в покое, но я вовсе не хотела, чтобы он уходил. Поздно, он уже был на полдороге к двери, меховой палантин летел за ним. Я хотела окликнуть его, сказать, что не обижаюсь, что я рада с ним познакомиться и мечтаю, чтобы он занялся моей внешностью, – но не успела я вымолвить ни слова, как Найджел круто развернулся и двумя огромными шагами преодолел расстояние между нами. Он придвинулся вплотную, облапил меня своими ручищами и прижал к себе. Моя голова находилась на уровне его груди, и я вдыхала ни на что не похожий запах лосьона «Джонсонс беби». И в тот самый момент, как до меня дошло, что я тоже обнимаю его, он отодвинулся, взял мои руки в свои, так что они утонули в его ладонях, и проорал:

– ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КУКОЛЬНЫЙ ДОМИК, ДЕТКА!

Глава 4

– Так и сказал? – Лили отправила в рот ложечку мороженого. В девять часов вечера мы встретились в суши-баре и я посвятила ее во все подробности своего первого рабочего дня. Родители нехотя продлили мою кредитку для экстренных случаев до того времени, как я получу свою первую зарплату, и сейчас, поглощая сэндвичи с тунцом и салат из водорослей, я чувствовала, что это и есть экстренная необходимость, а посему мысленно благодарила маму и папу за то, что они так добры к нам с Лили.

– Это его точные слова: «Добро пожаловать в кукольный домик, детка», – именно так. Ничего себе, да?

Она смотрела на меня, полуоткрыв рот, ложечка застыла в воздухе.

– У тебя самая обалденная работа, какую я только могу себе представить. – Это сказала Лили, которая считала, что, прежде чем поступать в аспирантуру, ей следовало с годик поработать в каком-нибудь приличном месте.

– Ну да, судя по всему, это классное место. Странноватое, конечно, но классное, – Я поковырялась в своем подтаявшем шоколадном мороженом. – Хотя я не знаю, может, на самом деле мне лучше было бы продолжить учебу.

– Вот-вот, тебе бы жуть как понравилась какая-нибудь почасовая работа, и чтобы весь заработок уходил на до неприличия дорогую и совершенно ненужную аспирантуру. Понравилось бы, скажи? Ты чему завидуешь – месту бармена в студенческой пивнушке, тому, что я торчу там до четырех утра и мне может нахамить любой надравшийся сопляк первокурсник, а потом, с восьми до шести, у меня занятия? Ты этого хочешь, да? И если я закончу аспирантуру – а это еще большой вопрос, закончу ли я, – нет никакой гарантии, что я найду работу. Совершенно никакой гарантии нет. – Она усмехнулась и отхлебнула глоток пива «Саппоро».

Лили занималась на кафедре русской литературы при Колумбийском университете и все свободное от занятий время занималась поисками каких-то ненадежных приработков. У ее бабки денег едва хватало на себя, стипендию ей тоже не выплачивали, поэтому было удивительно, как ей вообще сегодня удалось выбраться в суши-бар.

И, как всегда, когда она начинала жаловаться на судьбу, я повторила испытанный прием.

– Так зачем же тебе все это нужно, Лили? – спросила я, хотя уже миллион раз слышала ответ.

Она фыркнула и закатила глаза.

– Наверное, мне все это нравится, – протянула она, подчеркивая иронию своих слов.

И хотя она никогда бы в этом не призналась – ведь жаловаться действительно намного приятнее, – ей и вправду это нравилось. Страсть к русской литературе пробудилась у нее в восьмом классе, когда однажды ее учитель сказал, что вот такой, как она, он и представляет Лолиту – круглолицей, черноволосой, с кудряшками. Она пришла домой – и тут же взялась читать этот шедевр разврата, чтобы избавиться от неприятных для нее учительских аллюзий. Потом она прочла всего Набокова. Потом Толстого. И Гоголя. И Чехова тоже. Пришло время поступать в колледж – Лили отправилась в университет Брауна, к профессору, специализирующемуся на русской литературе, и тот, побеседовав с Лили, заявил, что никогда

еще – ни среди первокурсников, ни среди выпускников – не было у него такой начитанной и влюбленной в предмет студентки. Она и сейчас любила эту литературу, изучала русскую грамматику, читала всех авторов в оригинале, – но плакаться ей нравилось больше.

– Ну конечно, я согласна, ничего лучшего сейчас не найти. Томми Хилфигер. Шанель. Апартаменты Оскара де ла Ренты. И это только первый день. Просто не знаю, поможет ли мне это попасть в «Нью-Йоркер», но, наверное, еще рано судить. Просто все это кажется таким нереальным, понимаешь?

– Что ж, как только тебе захочется соприкоснуться с реальностью, разыщи меня, ты знаешь где. – Лили достала из кошелька проездной на метро. – Если тебе вдруг понадобится маленькое гетто, ты всегда обретишь его в Гарлеме, мои роскошные пятьдесят квадратных метров в твоём полном распоряжении.

Я расплатилась, и мы обнялись. Она хотела объяснить мне, как лучше добраться от Седьмой авеню до моего нового жилища, и я несколько раз поклялась, что знаю, как найти подземку, и где сделать пересадку, и как добраться от остановки на Девяносто шестой улице до своего дома, но, лишь она ушла, я тут же поймала такси.

«Это только сегодня, – сказала я себе, устраиваясь на теплом заднем сиденье и стараясь дышать так, чтобы не чувствовать запаха, исходящего от водителя, – ведь я теперь работаю в „Подиуме“».

Приятно было убедиться в том, что весь остаток недели не слишком отличался от первого дня. В пятницу мы с Эмили вновь встретились в семь утра в белоснежном вестибюле, на этот раз она вручила мне мой собственный электронный пропуск; на нем была моя фотография, но я никак не могла припомнить, когда она была сделана.

– Это от камеры внутреннего наблюдения, – сказала Эмили, видя мое недоумение, – они здесь повсюду, чтоб ты знала. У нас случались серьезные кражи, и отделы одежды и драгоценностей попросили установить видеонаблюдение. – Похоже, курьеры, а то и редакторы сами и таскали. Так что сейчас администрация следит буквально за каждым.

– Следит? Что значит «следит»?

Она быстро шла по коридору, направляясь к кабинету Миранды; ее бедра в облегающих желто-коричневых бриджах от «Севен» размеренно покачивались. Днем раньше она сказала, что мне следует всерьез задуматься над тем, чтобы купить себе такие же, потому что другие Миранда надевать в офис не разрешала. Эти и еще Марк, но только по пятницам и только с высокими каблуками. Марк? «Марк Джекобс», – пояснила она раздраженно.

– Ну, благодаря камерам и карточкам они всегда знают, что ты делаешь. – Эмили бросила на стол сумку с логотипом Гуччи и принялась расстегивать сильно приталенный кожаный блейзер, который, как мне показалось, очень мало подходил для декабря. – Вряд ли они смотрят на эти камеры, пока что-нибудь не пропадет, но вот электронные пропуска – эти все расскажут. Каждый раз, как тебе надо пройти мимо охраны, ты пропускаешь его через считывающее устройство, и у них появляется информация о твоих перемещениях. Поэтому они знают, находится ли человек на своем рабочем месте, и если тебе вдруг понадобится уйти – а тебе никогда не понадобится, если, конечно, не случится что-то уж совсем ужасное, – ты отдашь мне свой пропуск, и я отмечу его. Так ты не потеряешь деньги за то время, которое отсутствовала. И ты, если будет нужно, сделаешь то же самое для меня – все так делают.

Я еще не пришла в себя после этого ее «тебе никогда не понадобится», а она продолжала:

– То же самое в столовой. Там есть особая расчетная карточка; заносишь на нее определенную сумму, а касса потом вычитает. Так они узнают, что ты ешь. – Эмили отперла дверь в кабинет Миранды, шлепнулась на пол и тут же принялась заворачивать очередную коробку.

– А им есть дело до того, что я ем? – Мне вдруг представилось, что я несчастная героиня Шэрон Стоун в фильме «Щепка».

– Может, и нет. Но знать они знают. То же самое в тренажерном зале – ты пользуешься карточкой и там, и в книжном киоске, когда покупаешь журналы. Наверное, это помогает им поддерживать внутреннюю организацию.

Поддерживать организацию? Я работаю на компанию, которая понимает «организацию» как постоянную слежку за тем, куда ходит каждый сотрудник, что он предпочитает на обед и сколько минут способен крутить педали велотренажера. Повезло же мне.

Вот уже четвертое утро подряд я вставала в половине шестого, совершенно вымоталась от постоянного недосыпания, и сейчас мне потребовалось пять минут, чтобы вылезти из пальто и усесться за стол. Хотелось положить голову на руки и закрыть глаза, но Эмили кашлянула. Очень громко.

– Ты мне не поможешь? – Это явно не было вопросом. – Ну-ка заверни что-нибудь. – Она выразительным жестом подтолкнула ко мне груды белой бумаги. Ее компьютер громко пел голосом Джуэл Килчер.

Отрезаем, кладем, сгибаем, заклеиваем; так мы с Эмили проработали все утро, останавливаясь только затем, чтобы позвать курьера после каждых двадцати пяти коробок. Коробки пролежат в отделе доставки до середины декабря, а потом, по нашему указанию, их разнесут по всему Манхэттену. Коробки, предназначенные для пересылки в другие города, были собраны в кладовой и ожидали отправки экспресс-почтой «Ди-эйч-эл». Я знала, что все они будут отправлены без малейшей задержки и придут в место назначения не позднее следующего утра, – поэтому никак не могла понять, к чему такая спешка в конце ноября. Но лучше было не спрашивать. По всему миру будет разослано больше тысячи бутылок: они отправятся в Париж, Канны, Бордо, Милан, Рим, Флоренцию, Барселону, Женеву, Брюгге, Стокгольм, Амстердам и Лондон. В Лондон – целыми дюжинами. Их доставят в Пекин и Гонконг, Кейптаун и Тель-Авив, и даже в Дубай. За здоровье Миранды Пристли поднимут бокалы в Лос-Анджелесе, Гонолулу, Новом Орлеане, Чарлстоне, Хьюстоне, Бриджхэмптоне и Нантакете. Бутылки разнесут по всему Нью-Йорку – городу, целиком состоящему из друзей Миранды, докторов Миранды, ее прислуги, стилистов, нянечек, визажистов, психотерапевтов, инструкторов по йоге и гимнастике, ее водителей и лично ее обслуживающих продавцов. Ну и конечно, они достанутся множеству людей, так или иначе связанных с модной индустрией. Дизайнеры, манекенщицы, актеры, редакторы, специалисты по рекламе, по связям с общественностью – каждый имеющий хоть какое-то отношение к миру моды получит соответствующую своему рангу бутылку, заботливо доставленную курьером «Элиас-Кларк».

– Как думаешь, сколько все это стоит? – спросила я Эмили, отрезая, кажется, уже миллионный кусок плотной белой бумаги.

– Я же говорю, я заказала спиртного на двадцать пять тысяч долларов.

– Да нет, как ты думаешь, сколько это стоит все вместе? Я имею в виду, разослать все эти свертки за одну ночь по всему миру. Наверняка в некоторых случаях доставка будет стоить больше, чем сама бутылка третьего разряда.

Казалось, Эмили была заинтригована. Впервые брошенный ею на меня взгляд выражал нечто большее, чем неприязнь, раздражение или безразличие.

– Ну-ка посмотрим. Доставка по стране обойдется в среднем в двадцать долларов, а международная доставка стоит кучу денег, уж наверняка не меньше внутренней. Я вроде где-то слышала, что расходы на курьера составляют одиннадцать баксов за посылку. Если же мы посылаем тысячи посылок, тогда, чтобы подсчитать дополнительные затраты, надо все умножить на одиннадцать. Или взять нас: у нас уходит целая неделя на то, чтобы вдвоем все это упаковать. Значит, складываем наш недельный заработок и получаем еще четыре

тысячи... – Тут я запнулась, осознав, что наша с ней недельная зарплата – это, похоже, чуть ли не самая малая капля в море.

– Да уж, кругленькая получается сумма. Впечатляет, да? Но тут рассуждать нечего: она – Миранда Пристли, и этим все сказано.

Около часа Эмили заявила, что хочет есть, и пошла вниз, в столовую, с девушками из отдела аксессуаров. Я думала, что она возьмет обед наверх, потому что так мы обычно и делали. Я прождала десять, пятнадцать, двадцать минут – она не показывалась. В столовой мы еще ни разу не обедали, чтобы не прозевать звонок Миранды, но вообще-то это было смешно. Прошел еще час, потом полтора, два – я уже не могла думать ни о чем, кроме еды. Попыталась позвонить Эмили на мобильник, но у нее был включен автоответчик. Что она там, умерла, что ли? Подавилась салатом или просто задремала после фруктового коктейля с мороженым? Я уже хотела было попросить кого-нибудь принести мне поесть, но потом подумала, что это неудобно. С чего бы совершенно незнакомым людям нести мне обед? Скорее это мне по должности полагается бегать за чужими обедами. «Ах, дорогая, я так занята, так занята со всеми этими коробками, что никак не могу отлучиться. Может, вы принесете мне сюда индейку и круассан? Как мило с вашей стороны». Я так и не смогла это произвести. И вот, когда прошло уже три часа, а от Эмили все еще не было ни слуху ни духу и точно так же не подавала о себе знать Миранда, я совершила немыслимое: оставила офис без присмотра.

Непрерывно озираясь по сторонам, я спустилась в вестибюль и, убедившись, что Эмили в пределах видимости нет, рванула через приемную. Кнопку лифта я нажала раз двадцать. Софи, секретарь приемной, очень красивая азиатка, вскинула брови и тут же отвела глаза, и было непонятно: она просто удивляется моему нетерпению или наверняка знает, что я бросила офис Миранды на произвол судьбы? Не было времени об этом думать. Двери лифта раскрылись, и я сумела-таки вскочить внутрь, даже несмотря на то что костлявый, похожий на законченного наркомана парень в зеленых кроссовках со слипшимися от геля волосами, глумливо улыбаясь, нажимал на кнопку «Ход». Никто не подвинулся, чтобы дать мне место, хотя в кабине его было предостаточно. В обычных обстоятельствах это вывело бы меня из себя, но сейчас я могла думать только о том, как бы раздобыть что-нибудь поесть и тут же вернуться.

Столовая была огромным залом из стекла и гранита: перед входом толпились восторженные трешотки; они наклонялись друг к дружке и шептались, обмениваясь мнениями обо всех выходящих из лифта. Друзья-приятели здешней администрации, сразу догадалась я, вспомнив описание Эмили. Они явно пребывали в экстазе от того, что находятся в самом центре событий. Лили уже успела попросить меня сводить ее в эту столовую – ведь почти все газеты и журналы Нью-Йорка расхваливали здешнюю кухню, не говоря уже о посетителях, – но я все никак не могла решиться.

Я пробилась сквозь толпу девушек и почувствовала, что они повернули головы в мою сторону, пытаясь понять, представляю ли я собой что-нибудь или нет. Ответ отрицательный. Полная решимости, я стремительно прошла мимо соблазнительных ломтиков молодой баранины под соусом «марсала» в секции закусок, пробралась сквозь строй любителей пиццы (с вялеными помидорами и козым сыром) – неприметный столик, где продавали эту пиццу, любовно именовался «углеводным». Сквозь встречное движение нелегко было пробиться к стойке с салатами, также известной как «зелень» (например: «встретимся, где „зелень“»). Стойка была длинная, как взлетно-посадочная полоса, и осаждалась с четырех сторон, но после того, как я громко объявила, что меня не интересует последняя оставшаяся порция соевого творожка, мне все же дали пройти. В самом дальнем углу обеденного зала, полу-скрытый стойкой с пряностями, которая очень напоминала витрину с косметикой, виднелся одинокий, неприкаянный столик секции супов. Причиной низкой популярности этого стола

было то, что отвечающий за него повар, единственный во всей столовой, отказался прилагать какие-либо усилия к тому, чтобы снизить в своих блюдах процент жира, натрия и углеводов. Он просто не захотел этого делать. Следствием его отказа стало то, что возле его стола – единственного во всем огромном зале – никогда не бывало очереди. Пользуясь этим обстоятельством, я каждый день мчалась напрямик к нему. Облеченным властью администраторам «Элиас» потребовалась всего неделя, чтобы выяснить, что суп, кроме меня, никто не покупает, поэтому они сочли разумным урезать меню этой секции до одного блюда в день. Я страстно желала, чтобы сегодня им оказался томатный чеддер, но вместо этого у повара был наготове суп с моллюсками, и он не упустил случая громко похвастаться, что сливки самые жирные. Трое вегетарианцев, стоявших возле «зелени», повернулись и уставились на меня. Оставалось еще пройти мимо стола специально приглашенного шеф-повара, который в этот момент священнодействовал над сашими. Я прочла его имя на карточке, приколотой к накрахмаленному белому воротничку: «Нобу Мацухита». Поднявшись по лестнице и взглянув на него сверху, я почувствовала моральное удовлетворение от того, что я, похоже, единственная во всем здании, кто перед ним не заискивает. Интересно, что есть большее преступление: не знать имя мистера Мацухиты или имя Миранды Пристли?

Миниатюрная кассирша взглянула сначала на суп, а потом на мои бедра. От ее взгляда у меня проснулась задремавшая было совесть. Я уже привыкла каждый раз перед выходом из дома досконально осматривать себя в зеркало и сейчас поклялась бы, что она смотрит на меня с тем же выражением, с каким я посмотрела бы на двухсоткилограммового толстяка, купившего себе восемь биг-маков, – чуть расширив глаза, словно спрашивая: «Неужели ты не можешь без этого обойтись?» Но я решительно отбросила параноидальные сомнения и напомнила себе, что передо мной всего лишь кассир, а не профессиональный диетолог. И не редактор журнала мод.

– Сейчас не многие это покупают, – сказала она негромко, пробивая чек.

– Ну да, суп с моллюсками мало кто любит, – пробормотала я, терзая свою карточку и мысленно умоляя ее работать быстрее, как можно быстрее.

Она перестала набирать цифры, и ее узкие карие глаза поймали мой взгляд.

– Нет, я думаю, это оттого, что повар отказывается делать их более легкими. Вы хоть представляете себе, сколько там калорий? Как много жира в этой маленькой чашке супа? Да от одного только его запаха можно прибавить сразу пять кило!

«А ты не из тех, кто может позволять себе лишние пять кило», – ясно говорил ее взгляд.

О Господи! После того как все эти высокие и нечеловечески стройные красотки из «Подiums» так на меня глазели, мне едва удалось убедить себя, что для моего роста у меня вполне нормальный вес. И вот сейчас кассирша фактически открытым текстом заявляет, что мне следует похудеть. Я схватила сумку и, расталкивая всех подряд, бросилась в туалетную комнату, удачно расположенную прямо напротив столовой, чтобы облегчить душу и тело после только что состоявшегося праздника чревоугодия. И хотя я точно знала, что зеркало покажет мне абсолютно то же самое, что я уже видела сегодня утром, я все же направилась напрямик к нему. Оттуда на меня уставилось искаженное от злобы лицо.

– Какого черта ты здесь делаешь? – заорала Эмили моему отражению. Я стремительно повернулась и увидела, что она пытается спрятать в сумку свой кожаный блейзер, а на лбу у нее солнечные очки. До меня дошло, что, когда три с половиной часа назад она сказала, что выйдет пообедать, ее следовало понимать буквально – в том смысле, что она выйдет из здания. А значит, отправится на улицу. Оставив меня на три часа фактически привязанной к телефону, без возможности пообедать или даже облегчиться. Но это ничего не значило. Я виновата, я не должна была уходить – и вот какая-то девчонка, моя ровесница, уже открыла рот, чтобы наорать на меня. Бог сжалился надо мной: дверь распахнулась, и в проеме появилась женщина, шеф-редактор «Кокетки». Она с изумлением наблюдала за тем, как Эмили,

буквально вцепившись в мою руку, тащит меня к лифту. Я не сопротивлялась, чувствуя, что натворила дел и сейчас буду расхлебывать. Все это сильно смахивало на сцену из какого-нибудь фильма: маньяк среди бела дня, приставив пистолет к затылку своей жертвы, хладнокровно ведет ее к месту пыток.

– Как ты могла? – прошипела Эмили, втолкнув меня в приемную «Подiums». – Как старшая, я отвечаю за все происходящее в офисе. Да, ты новенькая, но я ведь тебе в самый первый день сказала: мы обязаны выполнять все ее поручения.

– Но ее тут нет, – пискнула я.

– Но она запросто могла позвонить, а в офисе не было никого, кто бы мог подойти к этому чертову телефону! – Эмили с треском захлопнула дверь приемной. – Наша первейшая обязанность – наша единственная обязанность – заботиться об интересах Миранды Пристли. Точка. Если ты не в состоянии осознать это, вспомни о том, что вокруг миллионы девушек, которые готовы на что угодно ради такой работы, как у тебя. А сейчас проверь автоответчик. Если она звонила, мы пропали. Ты пропала.

Мне хотелось заползти под стол и умереть. Ну как я могла все так испортить в первую же неделю? Миранды даже не было в офисе, а я уже подвела ее. Я была голодна – ну и что, могла бы и подождать. Люди занимаются серьезным делом, они рассчитывают на меня, а я только все порчу. Я проверила свой автоответчик.

«Привет, Энди, это я, Алекс. Ты где? Такого еще не было, чтобы ты не отвечала. Я насчет сегодняшнего вечера – мы ведь договорились, правда? Сама выбери, куда пойти. Звякни мне по возможности; после четырех я на кафедре. Целую».

Я почувствовала новые угрызения совести. После сегодняшней встряски я уже решила, что отложу это свидание. Первая неделя была совершенно безумной, мы с Алексом почти не виделись, вот и решили, что сегодня поужинаем где-нибудь вместе, только он и я. Но выйдет не очень весело, если я за столом буду клевать носом. К тому же мне хотелось, чтобы сегодня ночью меня никто не беспокоил. Я хотела побыть одна. Позвоню ему, может, перенесем на завтра.

Эмили уже проверила свой автоответчик. Лицо у нее было более-менее спокойным, и я поняла, что Миранда не оставила ей никаких особенно чудовищных угроз. Я помотала головой, чтобы показать, что еще не закончила.

«Привет, Андреа, это Кара (няня детей Миранды). Пару минут назад звонила Миранда, – у меня замерло сердце, – и сказала, что пыталась дозвониться до офиса, но никто не брал трубку. Я решила, что у вас что-то случилось, и сказала ей, что только что разговаривала с вами обеими. Но ты не волнуйся. Она хотела, чтобы ей в „Ритц“ сбросили свежий номер „Женской одежды“, а у меня как раз нашелся экземпляр. Пришло подтверждение, что она его получила, так что побереги нервы. Я просто хотела, чтобы ты знала. В общем, отдохни за выходные как следует, потом поговорим. Пока».

Обошлось. Эта девушка сущий ангел. Мне трудно было поверить, что я знаю ее всего неделю – и даже не в лицо, поскольку мы общались только по телефону, – так я успела ее полюбить. Она была полной противоположностью Эмили; спокойная, очень практичная и абсолютно равнодушная ко всему, связанному с модой. Она, конечно же, осознавала всю нелепость притязаний Миранды, но не позволяла ей выводить себя из равновесия; у нее была редкая и очень ценная способность относиться с юмором к себе и к окружающим. В ее лице я нашла друга.

– Не-а, она не звонила, – торжествующе улыбаясь, соврала я Эмили, – повезло нам.

– Это тебе повезло на этот раз! – отрезала она. – Помни, что, хоть мы и работаем вместе, ответственность лежит на мне. И если я выйду пообедать – а я имею на это право, – ты останешься здесь. Такое больше не повторится, ведь так?

Я удержалась от желания сказать ей какую-нибудь гадость.

– Конечно, – ответила я, – разумеется.

К семи часам вечера мы управились со всеми оставшимися бутылками и отдали их рассыльным. Эмили больше не вспоминала о моем преступлении. В восемь я наконец-то упала на заднее сиденье такси (это только сегодня!), в десять, не раздеваясь, распласталась на своей кровати. Я до сих пор ничего не ела, да и не собиралась, потому что сама мысль о необходимости отправляться на улицу в поисках съестного, рискуя при этом заблудиться (как это было четыре последних вечера), была мне невыносима. Я решила поплакаться Лили, позвонила ей по своему новому телефону.

– Привет! А я думала, ты сегодня с Алексом, – сказала она.

– Ну да, мы и собирались, но я умираю от усталости. Поэтому мы с ним решили перенести все на завтра. Ладно, что нового?

– Только одно: я на пределе. Просто нет слов. Ты ни за что не угадаешь, что случилось. Нет, угадаешь, конечно, у меня всегда так...

– Не тяни, Лили, я вот-вот умру.

– Ладно. Сегодня ко мне на семинар пришел совершенно потрясающий парень. Все занятие просидел в полном восторге и остался меня ждать. Попросил прогуляться с ним, и тут выясняется, что он знаком с моими брауновскими публикациями.

– Здорово. И чем он занимается?

Лили каждый день знакомилась с разными парнями, но никак не могла найти свой идеал.

Она разработала «Шкалу достоинств идеального мужчины», после того как однажды наши знакомые парни оценивали при ней достоинства своих подружек по десятибалльной шкале. «Первое – шесть, второе – восемь, третье – Б» – так описал Джейк девушку, ассистента по рекламе, с которой встречался накануне вечером. Само собой, все вокруг поняли, что имелось в виду. В первую очередь по десятибалльной шкале оценивалась внешность, во вторую – фигура, в третью – характер, который обозначался буквами алфавита. Оценка парней требовала, конечно, более серьезного подхода, и Лили разработала свою «Шкалу», включавшую десять достоинств, каждое из которых измерялось особо. Идеальный мужчина должен был обладать пятью «приоритетными» достоинствами: интеллектом, чувством юмора, хорошей фигурой, привлекательной внешностью и работой, которая подпадала бы под широкое определение «нормальной». Поскольку возможность существования в природе подобного идеала была весьма сомнительной, выделялось пять «второстепенных» достоинств. Сюда входило отсутствие шизанутой «бывшей», ненормальных родителей или повернутых на сексе товарищей по комнате; кроме того, учитывалось наличие у парня каких-либо жизненных интересов (не считая спорта и порнухи). До сих пор у самого идеального из ее парней набралось лишь девять таких качеств из десяти – но он ее бросил.

– Ну, сначала у него было крепкое семь из десяти. Он натурал, изучал драму в Йеле, рассуждал об израильской политике и ни разу не ляпнул, что «самое простое – шарахнуть по ним ядерной боеголовкой».

– Ясно-понятно. Ну тогда в чем дело? Что не так? Он что, много говорил о любимой компьютерной игре?

– Хуже, – вздохнула она.

– Слишком худой?

– Хуже.

– Жуткий пошляк?

– Хуже. – В ее голосе звучала полнейшая безнадежность.

– Да брось ты, что может быть еще хуже?

– Он живет на Лонг-Айленде.

– Ах вот как! Тебе не нравится его местожительство. Но это еще не значит, что с ним нельзя встречаться. Ты же знаешь...

– С родителями, – перебила она. Вот так.

– Все последние четыре года. Бог ты мой.

– И ему это очень нравится. Говорит, что не понимает, зачем жить одному в большом городе, если мама и папа такие замечательные.

– Ничего себе! Можешь не продолжать. Не припомню, чтобы экземпляр, набравший семь из десяти, свел бы все к нулю в первое же свидание. Это новый рекорд. Поздравляю. Денек у тебя был похуже моего.

Я вытянула ногу, чтобы пнуть приоткрытую дверь своей комнаты, и услышала, что Шанти и Кендра уже дома. Еще я услышала мужской голос, и мне стало интересно: неужели у одной из моих соседок есть парень? За последние десять дней я видела их в общей сложности десять минут, потому что им, похоже, приходилось работать еще больше, чем мне.

– Что значит «похуже»? У тебя-то откуда взяться плохому дню? Ты работаешь в журнале мод.

В дверь тихонько постучали.

– Подожди секунду, кто-то пришел. Войдите! – крикнула я чересчур громко для такого маленького пространства.

Я думала, это одна из моих застенчивых соседок хочет спросить, не звонила ли я нашему квартирному хозяину, чтобы внести свое имя в договор об аренде (не звонила), или не купила ли я бумажные тарелочки (не купила), или не звонил ли им кто-нибудь в их отсутствие (не звонил), но в дверном проеме возник Алекс.

– Эй, я перезвоню тебе, ладно? Тут Алекс пришел.

Я была рада его видеть и взволнована его неожиданным появлением, но тоненький голосок в самой глубине души говорил, что лучше всего сейчас было бы принять душ и заползти под одеяло.

– Ну конечно, привет ему от меня. И помни, ты счастливица и парень у тебя на все сто. Просто классный. Береги его.

– Будто я не знаю. Он у нас просто ангел во плоти, – улыбнулась я ангелу.

– Ну пока.

– Привет.

Я заставила себя сначала сесть, потом встать и подойти к нему.

– Здорово ты придумал! – Я хотела обнять его, но он отступил назад и спрятал руки за спину. – Что-то не так?

– Все в порядке. Просто я знаю, что ты вкалывала всю неделю. Немного изучил твои повадки и думаю, что на еду ты махнула рукой. Вот и принес кое-что.

Оказалось, за спиной он прячет большой коричневый пакет наподобие тех, в которые раньше расфасовывали бакалею, – на бумаге успело расплыться ароматное жирное пятно. Я вдруг поняла, как я голодна.

– Не может быть! Но как ты догадался, что я сижу здесь, подыхаю от голода и никак не могу заставить себя пойти поискать чего-нибудь съестного? Я уж почти перестала надеяться, что сегодня мне удастся что-нибудь съесть.

– Ну так давай ешь. – Вид у него был очень польщенный; он открыл пакет, но на полу моей комнаты для нас двоих не хватило места. Я подумала, что можно поесть в гостиной, но Кендра и Шанти лежали перед телевизором, их нетронутые тарелочки с салатом стояли

поодаль. Я думала, они ждут, когда кончится передача, но потом заметила, что они просто уснули. Хорошенькая же у нас жизнь.

– Не вешай нос, у меня есть идея, – прошептал Алекс и на цыпочках прошел на кухню. Он вернулся с двумя большими пакетами для мусора и постелил их поверх моего одеяла. Нырнув в свой жирный пакет, он достал оттуда два больших бургера и порцию картошки фри. Он не забыл о кетчупе, соли и даже салфетках. От восторга я захлопала в ладоши – хотя перед моим мысленным взором на миг предстало разочарованное лицо Миранды, и я словно услышала ее вопрос: «Как? Вы едите бургеры?»

– Это еще не все. Ну-ка оцени. – Из пакета появились ванильное печенье, бутылка красного вина и два бумажных стаканчика.

– Ты шутишь, – прошептала я, все еще не веря, что он принес сюда все это после того, как я отменила наше свидание.

Он протянул мне вино, и мы чокнулись бумажными стаканами.

– Да нет, не шучу. Ты думала, я забыл, какое важное событие произошло в твоей жизни? За мою девочку, самую лучшую в мире.

– Спасибо, – сказала я, медленно делая глоток, – спасибо тебе.

Глава 5

– Ох, Боже ты мой, да неужели это наше модное светило собственной персоной? – насмешливо вскричала Джил, когда я открыла входную дверь. – Ну-ка постой спокойно и дай своей глупой старшей сестре поклонить колена.

– Светило? – фыркнула я. – Это вряд ли. Скорее неудачница от моды. Поздравляю с возвращением в цивилизованный мир.

Я крепко ее обняла и долго не хотела отпускать. Мне было тяжело расставаться с ней, когда она уехала учиться в Стэнфорд, а я, девятилетняя, осталась с родителями, и еще тяжелее, когда она отправилась за своим парнем (сейчас уже мужем) в Хьюстон. Хьюстон? Сырое, кишашее москитами место, и, словно этого было еще недостаточно, моя сестра, утонченная красавица, влюбленная в неоклассическое искусство и проникновенно читавшая Байрона, умудрилась подцепить там южный акцент. И не нежную, почти неуловимую южную певучесть, нет – это была вульгарная манера растягивать гласные, от которой меня передергивало. Я не могла простить Кайлу, что он затащил ее в это ужасное место, и то, что он был вполне порядочным зятем, теряло всякое значение, стоило ему открыть рот.

– Привет, Энди, сестренка, ты все хорошеешь (ты все ха-ра-а-шеешь). Они там, в «Подиуме», небось балуют тебя, а?

Мне захотелось засунуть зятю в рот теннисный мячик, чтоб оттуда уже больше не вылетело ни слова, но он улыбнулся, и я подошла и обняла его. Он, конечно, говорил как деревенщина, да и ухмылялся слишком широко и часто, но он старался вести себя прилично, а сестру просто обожал. Я приложила все усилия, чтобы не кривиться, когда он открывал рот.

– Ну, я бы не сказала, что это такая уж синекура, если ты понимаешь, о чем я. Это не молочные реки, кисельные берега. Но и ничего страшного. Кайл, ты сам здорово выглядишь. Надеюсь, ты не даешь сестре скучать в вашем Богом забытом Хьюстоне?

– Энди, голубушка, приезжай и посмотри. Захвати и Алекса – приезжайте вместе. Там не так уж плохо, сама увидишь. – Он улыбнулся сначала мне, потом Джил. Она улыбнулась в ответ и потрепала его по щеке. Просто смотреть противно, до чего они влюблены друг в друга.

– Нет, правда, Энди, это место с богатой культурой, ты бы там нашла чем заняться. Нам бы очень хотелось, чтобы ты приезжала к нам почаще. Это неправильно, что мы видимся только в этом доме, – сказала она и потащила меня в гостиную. – Если ты можешь вынести Эйвон, то, уж конечно, вынесешь и Хьюстон.

– Смотри-ка, эта Энди Джей, наша большая занятая девочка вырвалась-таки из Нью-Йорка. Выйди поздороваться! – закричала мама, появляясь из кухни. – А я думала, ты позволишь со станции.

– Миссис Майерс встречала Эрику, вот и подбросила меня. А когда будем есть? Я просто умираю с голоду.

– Сейчас и будем. А ты не хочешь помыться с дороги? Мы подождем, а то ты с поезда немножко взъерошенная. Ты же знаешь, будет лучше, если...

– Ну, мамочка! – бросила я на нее умоляющий взгляд.

– Энди! Сногшибательно выглядишь. Ну-ка дай твоему старику тебя обнять. – Мой папа, высокий и в свои пятьдесят с небольшим все еще очень красивый, улыбался мне из коридора. Я заметила, что за спиной он прятал коробку с набором для игры в скраббл. Подождав, пока все перестанут смотреть на него, он показал коробку мне и крикнул: – Достанется тебе от меня. Считай, что я предупредил.

Я улыбнулась и кивнула. Вопреки здравому смыслу я почувствовала такую радость от того, что следующие сорок восемь часов мне предстоит провести с семьей, какой не чувствовала ни разу за последние четыре года. День благодарения был моим любимым праздником, и в этом году я ждала его с особым нетерпением.

Мы собрались в столовой и увлеченно занялись грандиозным обедом, заказанным мамой и вполне соответствующим еврейским представлениям о пиршестве в канун Дня благодарения. Бейгели с копченой лососиной и брынза, сиг и картофельная запеканка – все профессионально разложено на сервировочных подносах, все дожидается бумажных тарелочек, пластмассовых вилок и ножей. Мама смотрела, как насыщается ее семейство, и ее лицо светилось такой гордостью, словно она сама всю неделю готовила, чтобы накормить своих крошек.

Я рассказывала о своей работе, изо всех сил стараясь описать ее суть, хотя сама еще до конца не разобралась в ней. Я подумала, не слишком ли отдает идиотизмом рассказ о юбочной мобилизации и о том, сколько часов я провела, пакуя подарки, и об электронном пропуске, который сообщает обо всем, что ты делаешь. Было нелегко убедить всех в целесообразности, необходимости и даже важности того, что я делаю. Я говорила и говорила, но мне не удавалось раскрыть перед ними этот мир, который был совсем близко, в часе езды на машине – и словно бы в другом измерении. Они кивали, улыбались, задавали вопросы, притворялись заинтересованными, но я знала, что все это чуждо им – чуждо и непонятно, как иностранная речь, – и это неудивительно, ведь они, как и я всего пару недель назад, никогда не слышали о Миранде Пристли. Меня их непонимание не слишком расстроило: пусть в моей работе порой было чересчур много театральных эффектов и благоговения перед начальством, она все же восхитительна. Просто высший класс. Против этого ведь никто не будет возражать?

– Ну как, Энди, думаешь, хватит тебя на год? Может, ты даже хочешь побыть там подольше, а? – Отец положил себе рыбку.

В моем контракте с «Элиас-Кларк» было сказано, что я нанимаюсь к Миранде на год – если до этого меня не уволят (что вполне могло произойти). И если за это время я обнаружу высокий профессионализм и инициативность – это не было упомянуто в договоре, но подкреплялось словами Эмили, Элисон и десятка служащих из отдела кадров, – мне будет предоставлена возможность самой выбрать работу, которой я хотела бы заниматься в дальнейшем. Ожидалось, конечно, что это будет работа в «Подииуме» или по крайней мере в «Элиас-Кларк», но я могла потребовать чего угодно – от места обозревателя отдела культуры до должности ответственного за контакты с голливудскими знаменитостями. Десять из десяти секретарш, которые работали у Миранды до меня, предпочли отдел моды «Подииума» или другого журнала «Элиас-Кларк». Работа в офисе Миранды представляла собой кратчайший путь от незначительной должности к вполне достойному, престижному месту.

– Ну конечно. Пока все идет просто прекрасно. Эмили... хм... иногда придирается, но это не важно. А так все замечательно. Если послушать, что рассказывает Лили о своих экзаменах или Алекс – о своей проклятой работе, – так мне просто повезло. Ну где бы еще мне удалось в первый же день поехать по городу в автомобиле с шофером? Нет, правда. В общем, я с нетерпением жду возвращения Миранды. Думаю, я к нему готова.

Джил закатила глаза и бросила на меня взгляд, который означал: «Не заливай, Энди, мы обе знаем, что ты работаешь – если это можно назвать работой – на психопатку, окружившую

себя свихнувшимися на моде доходягами, и сейчас рисуешь эту розовую картинку, только чтобы самой не сойти с ума», – но вместо этого она сказала:

– Здорово, Энди, правда здорово. Чудесная возможность.

Да, Джил единственная из сидящих за столом могла меня понять, ведь до того, как она поселилась у черта на рогах, она год проработала в небольшом частном музее в Париже и проявляла интерес к haute couture. Это был интерес скорее эстета, чем потребителя, но она неплохо узнала подноготную мира моды.

– У нас тоже есть хорошая новость, – продолжила она, взяв за руку Кайла; он положил бейгель и протянул ей обе руки.

– Ну слава Богу! – воскликнула мама, вздыхая, словно с ее плеч наконец сняли стокилограммовый груз, который она таскала лет двадцать. – Давно пора!

– Да уж, поздравляем вас обоих! Должен сказать, заставили вы мамочку поволноваться. Вы ведь давно не молодожены, мы уж думали... – Отец, сидящий во главе стола, выразительно поднял брови.

– Вот здорово! Давненько я хотела стать тетей! И когда ждать маленького?

Оба они выглядели растерянными, и я вдруг испугалась, что мы все не так поняли, что «хорошие» новости заключаются в том, что они решили перебраться в новый просторный дом в своем же дремучем Хьюстоне; а может, Кайл наконец решил бросить юридическую фирму своего папаши и открыть вместе с моей сестрой галерею, о которой она всегда мечтала. Может, мы слишком поторопились – потому что слишком уж хотели услышать, что вот-вот у нас появится внучка или племянник. Родители в последнее время только об этом и говорили, то так, то эдак прикидывали, почему у сестры и Кайла – ведь им уже за тридцать и они женаты четыре года – все еще нет детей. За последние полгода этот вопрос из любимой семейной темы вырос до уровня назревшего кризиса.

Сестра, казалось, была встревожена. Кайл нахмурил брови. Родители словно воды в рот набрали. Напряжение росло, Джил встала со стула, подошла к Кайлу и села ему на колени. Она полуобняла его за шею и зашептала что-то на ухо. Я взглянула на маму – она будто только что очнулась от обморока, между бровями у нее залегла глубокая складка.

Вдруг они захихикали, повернулись к столу и в один голос объявили:

– Мы ждем ребенка.

И у всех отлегло от сердца. И все захохотали как сумасшедшие. И стали обниматься. Мама сорвалась с места так стремительно, что перевернула стул, а потом и горшок с кактусом, примостившийся у двери. Отец крепко обнял Джил и поцеловал ее в обе щеки и в макушку, и – впервые со дня их свадьбы – он поцеловал и Кайла.

Я постучала вилкой о банку вишневой шипучки и заявила, что нам нужен тост.

– Давайте поднимем бокалы, все вместе поднимем бокалы за прибавление в семействе Сакс. – Кайл и Джил посмотрели на меня многозначительно. – Формально он Харрисон, но в душе, конечно, будет настоящим Саксом. За Кайла и Джил, будущих лучших в мире родителей лучшего в мире ребенка.

Мы чокнулись банками с газировкой и кружками с кофе и выпили за ухмыляющуюся парочку и сестрицыну талию, обхват которой пока еще составлял шестьдесят сантиметров. Я убирала со стола, бросая все, что на нем оставалось, в пакет для мусора, в то время как мама прилагала все усилия, чтобы убедить Джил назвать ребенка в честь какого-нибудь умершего родственника. Кайл потягивал кофе и явно был доволен собой. Около полуночи мы с папой наконец уединились в его кабинете и приступили к игре.

Он включил стерео, и комнату заполнил мерный шум льющейся воды – так он делал всегда, когда у него были пациенты, чтобы до них не долетали звуки дома, а в доме не слышали, какие проблемы обсуждаются в кабинете. Как у любого уважающего себя психотерапевта, в дальнем углу кабинета у него стоял серый кожаный диван; он был очень мягкий, и

я любила лежать на нем, положив голову на валик. Еще там стояли три стула; спереди сиденья у них были приподняты, и они поддерживали пациента в особом положении, которое мой отец называл «эмбриональным». Стол был полированный, черный, на нем возвышался монитор с плоским экраном; кресло – под стать столу: черное, кожаное, с высокой спинкой, очень удобное. Стеклянная стена стеллажей с книгами по психиатрии, коллекция бамбуковых тростей в высокой хрустальной напольной вазе и несколько цветных репродукций в рамках (единственное яркое пятно в комнате) довершали футуристическое убранство кабинета. Я уселась на пол между диваном и столом, отец сделал то же самое.

– Давай рассказывай, что происходит, Энди, – сказал он, передавая мне коробочку с буквами, – тебя, наверное, сейчас переполняют эмоции.

Я достала семь костяшек и аккуратно разложила их перед собой.

– Да, сумасшедшие были дни. Сначала переезд, потом работа. Это странное место, мне даже трудно объяснить. Все красивые, стройные, носят потрясающую одежду. И все вроде бы такие милые, такие дружелюбные. Похоже даже, что у них что-то вроде медикаментозной эйфории. Я не знаю...

– Что? Что ты не знаешь?

– Я не могу понять самой сути, но у меня такое ощущение, словно я в карточном домике и он вот-вот развалится. Дело не в том, что я работаю в журнале мод, а это несерьезно. Конечно, до сих пор все, что я делала, было довольно-таки бессмысленно, но я не об этом. Стимул у меня есть, ведь всегда хочется добиться успеха в новом деле, правда?

Он кивнул.

– Конечно, это классная работа, хотя я и сейчас не уверена, что она поможет мне попасть в «Нью-Йоркер». Наверное, надо ждать худшего, ведь до сих пор все шло слишком уж гладко, слишком хорошо, чтобы быть правдой. Хотя, может, я просто сошла с ума.

– Это вряд ли, деточка, я думаю, ты просто очень чувствительна. Но знаешь, я согласен с тем, что тебе повезло. Люди могут прожить всю жизнь – и не увидеть того, что увидишь ты за один этот год. Ты только подумай! Ты едва закончила университет – и уже работаешь у самой влиятельной женщины в самом престижном журнале и в крупнейшем журнальном издательстве в мире. Ты увидишь, как крутятся колесики в самом сердце механизма. Если ты будешь держать ушки на макушке и добросовестно выполнять свои обязанности, ты за один год узнаешь больше, чем многие твои коллеги за всю свою карьеру.

В центре доски он выложил свое первое слово: УДАР.

– Неплохо для начала, – сказала я и подсчитала очки, умножив их на два, потому что это было первое слово, открывающее игру. Папа: 22 очка; Энди: 0. Мои буквы не выглядели многообещающе, но потом я вдруг поняла, что, если бы у меня было еще одно А, я смогла бы написать ПРАДА, но это имя собственное и, конечно, не считается. Вместо этого я прибавила к Д Е и А и получила свои жалкие шесть очков.

– Я хочу убедиться, что ты встряхиваешь по-честному, – сказал папа, размахивая коробкой с буквами. – Чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что для тебя грядут великие перемены.

– Надеюсь, ты прав, по крайней мере обрезков оберточной бумаги мне теперь хватит надолго. Может, и получше что-нибудь подвернется.

– Обязательно, детка, непременно. Вот увидишь. Тебе, может быть, кажется, что ты занимаешься чепухой, но это не так, поверь мне. Это начало чего-то грандиозного, я чувствую. Я тут разузнал кое-что о твоём боссе. Эта Миранда считается женщиной с тяжелым характером, что верно, то верно. Но я думаю, тебе она понравится. И еще я думаю, что и ты ей понравишься.

Весьма довольный собой, он составил на доске слово СКАТЕРТЬ, используя мое Е.

– Надеюсь, ты прав, папочка, я очень на это надеюсь.

– Она главный редактор «Подiums», ну, знаете, это журнал мод, – настойчиво твердила я в трубку, сдерживаясь из последних сил.

– А! Поняла, о ком вы! – сказала Джулия, младший агент по рекламе из «Книг для молодежи». – Классный журнал, и мне страшно нравятся эти письма, где девочки-подростки рассказывают о своих проблемах. Неужели все это правда? Помните одно письмо, там...

– Нет, нет, это не для подростков, это скорее для взрослых женщин (теоретически по крайней мере). Как, вы действительно никогда не видели «Подium»? (Да неужто такое вообще возможно, думала я.) В общем, ее фамилия ПРИСТЛИ. Да, Миранда, – сказала я с поистине ангельским терпением.

Интересно, как бы она отреагировала, если бы узнала, что я говорила по телефону с человеком, который никогда не слышал ее имени? Вряд ли ей бы это понравилось.

– Если вы свяжетесь со мной, я буду очень вам признательна, – сказала я Джулии, – и если придет старший агент по рекламе, передайте ей, пожалуйста, мою просьбу – пусть она позвонит мне.

Было утро пятницы, середина декабря. От сладостных, безоблачно свободных выходных меня отделяло всего десять часов. Только что я пыталась убедить совершенно равнодушную к моде Джулию из «Книг для молодежи», что Миранда Пристли – важная персона, персона, ради которой стоит поступиться правилами и забыть о здравом смысле. Это требовало гораздо больших усилий, чем я ожидала. Я и предположить не могла, что мне придется растолковывать, кто такая Миранда, человеку, который никогда в жизни не слышал ни об одном из самых авторитетных в мире модных журналов, ни о его знаменитом редакторе. За три коротких недели в «Подюме» я уже поняла, что такое давление авторитетом – всего лишь часть моей работы, но обычно человек, которого я пыталась убедить или запугать, сдавал позиции при одном лишь упоминании одиозного имени моей хозяйки.

К несчастью, Джулия работала в академическом издательстве, где VIP-персоной считается скорее кто-нибудь вроде Норы Эфрон или Венди Вассерштейн, нежели женщина, известная своим безупречным вкусом при выборе меха. Я понимала это и пыталась мысленно вернуться в то время (всего пять недель назад), когда сама еще ничего не слышала о Миранде Пристли, – и не могла. Но я точно знала, что это благословенное время было. И я завидовала безразличию Джулии, но у меня было задание, а она ничем мне не помогла.

Завтра, в субботу, должна была увидеть свет четвертая книга о Гарри Поттере, и восьмилетние дочки Миранды пожелали иметь каждая по экземпляру. В магазинах книга появится только в понедельник, но мне необходимо получить уже в субботу утром – прямо из типографии, после чего Гарри и компания отправятся на личном самолете в Париж.

Мои размышления прервал телефонный звонок. Я взяла трубку – теперь я всегда это делала, потому что Эмили наконец разрешила мне разговаривать с Мирандой. И Бог мой, мы разговаривали – порой по тридцать раз на дню. Даже находясь так далеко, Миранда умудрялась вторгаться в мою жизнь и все в ней переворачивать, сварливо командуя, требуя и превращая длинный промежуток времени между семью утра и девятью вечера в сплошную полосу препятствий.

– Ан-дре-а? Алло? Есть там кто-нибудь? Ан-дре-а! – Я вскочила со стула, как только услышала свое имя. Потом я вспомнила, что ее нет в офисе – и даже в стране – и поэтому некоторое время мне ничто не угрожает. Эмили уверяла меня, что Миранде нет никакого дела до того, что Элисон повысили, а меня взяли на работу. Это для нее ничего не значащие детали. Главное, чтобы кто-то отвечал по телефону и выполнял ее требования, а кто этот человек – ей безразлично.

– Не понимаю, почему вам нужно столько времени, чтобы подойти к телефону, – заявила она. В устах любого другого человека это прозвучало бы как жалоба, но Миранда,

как обычно, говорила холодно и твердо. – Если вы до сих пор еще себе этого не уяснили, все должно происходить так: когда я звоню, вы отвечаете. Кажется, понять не трудно. Поняли? Я звоню. Вы отвечаете. Можете вы это уяснить, Ан-дре-а?

Я кивнула, как шестилетняя девчонка, которую только что отчитали за то, что она запустила в потолок спагетти, хотя Миранда даже не могла меня видеть. Мысленно я сконцентрировалась на том, чтобы не называть ее «мадам» – ошибка, за которую неделю назад меня чуть не уволили.

– Да, Миранда, – сказала я кротко, кивая. И в тот момент я действительно сожалела, сожалела, что ее слова дошли до меня мгновением позже, чем должны были; сожалела, что задержалась со своим «Офис Миранды Пристли» на секунду дольше, чем это было необходимо. Ее время было – как я постоянно себе напоминала – намного, намного дороже, чем мое собственное.

– Хорошо. Теперь, когда мы потеряли столько времени, приступим. Вы сделали заказ для мистера Томлинсона? – спросила она.

– Да, Миранда, я заказала столик для мистера Томлинсона во «Временах года»⁵.

Я как будто знала, что так получится. Всего десять минут назад она позвонила и велела мне зарезервировать столик во «Временах года», позвонить мистеру Томлинсону, водителю и няне, чтобы оповестить их о ее планах, – и вот теперь она хочет все переиграть.

– Я передумала. «Времена года» – не самое подходящее место для встречи с Ирвом. Закажите столик на двоих в «Ле Серке» и не забудьте напомнить метрдотелю, что они желают сидеть в глубине зала. Не на виду. В глубине. Это все.

Когда я только начинала разговаривать с Мирандой по телефону, я убеждала себя, что, когда она произносит «Это все», она хочет таким образом сказать «спасибо». Ко второй неделе я поняла, что это не так.

– Конечно, Миранда. Спасибо, – сказала я, улыбнувшись. Я чувствовала, как она запнулась на другом конце провода, соображая, как ответить. Понимала ли она, что я пытаюсь обратить ее внимание на то, что она никогда не говорит «спасибо»? Понимала ли она, что странно благодарить ее за эти указания? Я начала это делать недавно, отвечала «спасибо» на каждое ее язвительное замечание и на каждый грубый приказ, – и моя тактика оказалась на удивление удачной. Она отдавала себе отчет, что я таким образом поддразниваю ее, но что она могла сделать? Сказать: «Ан-дре-а, я не желаю, чтобы вы впредь говорили мне „спасибо“». Я запрещаю вам выражать свою благодарность таким способом». Однако, если подумать, от нее и этого можно ожидать.

«Ле Серк», «Ле Серк», «Ле Серк», – снова и снова прокручивала я в голове. Надо поскорее сделать этот заказ и вернуться к операции «Гарри Поттер». Администратор ресторана тут же согласился оставить столик для мистера Томлинсона, когда бы тот ни соизволил появиться.

Пришла Эмили и спросила, не звонила ли Миранда.

– Всего три раза, и при этом ни разу не угрожала меня уволить, – гордо сказала я, – конечно, она намекала на это, но открыто не угрожала. Прогресс, а?

Эмили засмеялась так, как смеялась, только когда я прикидывалась дурочкой, и спросила, чего желает ее гуру, Миранда.

– Просто чтобы я заказала столик для Глухонемого Папочки. Уж не знаю, зачем это должна делать я, а не его секретарша, но вопросы тут лучше не задавать.

Глухонемым Папочкой прозвали третьего мужа Миранды. Конечно, широкая публика и понятия не имела, что он глухой и немой, но мы-то, посвященные, знали, что он еще и

⁵ «Времена года» – один из лучших и самых дорогих ресторанов Нью-Йорка, открыт в 1961 г. в нижнем этаже небоскреба «Сиграм». Вход только по предварительным заказам.

слепой. По крайней мере только этим можно было объяснить, что этот в принципе неплохой мужик был в состоянии терпеть такую, как она.

Теперь следовало позвонить самому Глухонемому Папочке. Если не позвонить вовремя, он может не успеть добраться до ресторана. Он прилетел из Парижа на деловую встречу с Ирвом Равицем – гендиректором «Элиас-Кларк». Эта встреча была очень важной, и Миранда хотела, чтобы все прошло без сучка без задоринки, – впрочем, как обычно. Настоящее имя Глухонемого Папочки было Хантер Томлинсон. Они с Мирандой поженились за год до того, как я поступила к ней на службу, после довольно необычного (как мне говорили) романа: она наседала, он колебался. Эмили рассказывала, что она преследовала его с непоколебимым упорством – и он, устав от нее бегать, в конце концов сдался. Она бросила своего второго мужа (солиста одной из самых известных групп конца шестидесятых и отца девочек), который даже не подозревал об этом, пока ее юрист не принес ему на подпись документы. Через двенадцать дней после официального развода она вновь вышла замуж. Мистер Томлинсон подчинился приказу и переехал в пентхаус на Пятой авеню. Я видела Миранду только один раз и ни разу еще не встречалась с ее мужем, но уже достаточно долго общалась по телефону с ними обоими, чтобы понять, что они – увы! – одна семья.

Три звонка, четыре, пять... Хм, интересно, где шляется его секретарша? Лучше всего было бы попасть на автоответчик, я сегодня не в состоянии выслушивать бессмысленную дружелюбную болтовню, до которой Глухонемой Папочка был большой охотник. Но мне ответила его секретарша:

– Офис мистера Томлинсона. – Она налегала на «р» и по-южному растягивала гласные. – Чем могу помочь? (Чем магу памочь?)

– Привет, Марта, это Андреа. Послушай, совсем не обязательно беспокоить мистера Томлинсона. Может, ты просто примешь для него сообщение? Я заказала столик...

– Дорогая, ты же знаешь, что мистеру Томлинсону всегда приятно поговорить с тобой. Подожди секундочку. – И не успела я воспротивиться, как в трубке уже звучало «Нос кверху. Нет стрессам» Бобби Макферрена. Это было так похоже на Глухонемого Папочку – выбрать для своего телефона самую оптимистическую песню из всех когда-либо написанных.

– Энди, это ты, сокровище мое? – Он говорил негромко, густым приятным басом. – Мистер Томлинсон уж начал думать, что ты его избегаешь. Лет сто не имел удовольствия разговаривать с тобой. – На самом деле прошло недели полторы. Вдобавок к своей слепоте, глухоте и немоте мистер Томлинсон имел неприятную манеру постоянно говорить о себе в третьем лице.

Я сделала глубокий вдох.

– Здравствуйте, мистер Томлинсон. Миранда попросила меня сообщить вам, что встреча состоится сегодня в час в «Ле Серке». Она сказала, что вам...

– Сокровище, – он говорил медленно, спокойно, – подожди со всеми этими планами. Доставь старику капельку удовольствия, расскажи мистеру Томлинсону, как ты поживаешь. Ты ведь не откажешь ему? Ну так скажи, моя дорогая, ты счастлива, работая у моей жены?

Счастлива ли я, работая у его жены? Хм. Дайте подумать. Испытывает ли счастье кролик, когда его проглатывает удав? Ну конечно, я просто ужасно счастлива, работая у вашей жены. Когда нам нечем заняться, мы делаем друг другу косметические маски и говорим о парнях. Такая расслабуха, вы, наверное, знаете. Одним словом, оттягиваемся по полной.

– Мистер Томлинсон, я люблю свою работу, и мне нравится моя хозяйка. – Я старалась не дышать и молилась, чтобы на этом он успокоился.

– Что ж, мистер Томлинсон в восторге от того, что у тебя все получается.

Хорошо, придурок, вот только правда ли, что ты в восторге?

– Спасибо, мистер Томлинсон, приятного вам обеда. – Я положила трубку, не дожидаясь неизбежного вопроса о том, что я делаю в эти выходные.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела по сторонам. Эмили была всецело поглощена очередным счетом на двадцать тысяч долларов, который Миранде прислали из «Американ экспресс». Ее ухоженные брови были сосредоточенно сдвинуты. Операция «Гарри Поттер» вновь замаячила передо мной: я должна не мешкая приступить к ее выполнению, если хочу, чтобы у меня были выходные.

Мы с Лили решили весь день смотреть телевизор. Я вымоталась на работе, она выдохлась на занятиях – вот мы и пообещали друг другу, что в воскресенье устроимся у нее на диванчике с пивом и чипсами. Никаких «легких закусок». Никакой диетической колы. И уж конечно, никакой деловой одежды. Хотя мы с Лили часто говорили по телефону, мы еще ни разу по-хорошему не посидели с тех пор, как я переехала в Нью-Йорк.

Мы с ней были лучшими подругами с восьмого класса, с тех пор, как я увидела ее за столиком в кафе: Лили сидела там одна и плакала. Она тогда только что переехала жить к бабушке и поступила в нашу школу – после того как стало совершенно очевидно, что ее родители не собираются к ней возвращаться. За несколько месяцев до этого они прикнули к странствующим фанатам «Мертвых»⁶ (когда у них родилась Лили, им обоим было по девятнадцать лет, и эксперименты с ЛСД интересовали их куда больше, чем их ребенок). Девочку они оставили на попечение своих безбашенных соратников по коммуне в Нью-Мексико (Лили предпочитала называть это коллективом). Когда через год стало абсолютно ясно, что гастроли затянулись, бабушка Лили забрала ее из коммуны (бабушка предпочитала называть это сектой) и привезла в Эйвон. В тот день, когда я увидела Лили плачущей за столиком в кафе, бабушка заставила ее отрезать грязные спутанные космы и надеть платье. И Лили была от этого совсем не в восторге. Что-то в ее манере говорить, в том, как она сказала: «Ты похожа на последовательницу дзен» и «Надо постараться отрешиться от всех проблем», тронуло мое сердце, и мы тут же стали подругами. Мы были не разлей вода в старших классах, все четыре года в университете прожили в одной комнате и вот теперь обе сумели устроиться в Нью-Йорке. Лили еще не решила, что ей нравится больше: помада от «МАК» или ожерелье из пеньки, и была немножко слишком чудачка, чтобы хоть что-то делать «как все», но мы с ней отлично дополняли друг друга. И я скучала по ней. Потому что в тот год, когда она стала аспиранткой, а я – фактически рабыней Миранды, мы забыли нас прежних.

Я не могла дожидаться выходных. Четырнадцатичасовой рабочий день сказывался на моих ногах, плечах, пояснице. Вместо контактных линз, которые я носила последние десять лет, мне пришлось надеть очки, потому что глаза были сухими и болели. Я выкуривала по пачке сигарет в день и питалась исключительно кофе (списанным на представительские расходы) и принесенным из столовой суши (тоже за счет «Элиас»). Я уже начала худеть. Здесь какой-то особый воздух, решила я, а может, сказывалось то, с каким упорством вокруг происходило все связанное с пищей. Я уже подцепила насморк и утратила здоровый цвет лица – а ведь прошло только три недели. Мне всего двадцать три года. И Миранды даже нет в Нью-Йорке. Да пошло оно все к черту. Я заслужила хорошие выходные.

И вдобавок ко всему мне на голову свалился этот Гарри Поттер. Миранда позвонила сегодня утром. Она говорила всего пять минут, но у меня всегда уходила уйма времени на то, чтобы вникнуть в ее указания. Я быстро усвоила, что в мире Миранды Пристли лучше сделать что-нибудь неправильно и потратить потом массу времени и денег на то, чтобы это исправить, чем признаться, что ты не поняла ее замысловатые, изложенные с сильным британским акцентом инструкции, и попросить дополнительных разъяснений. Поэтому, когда она невнятно проговорила что-то о «Гарри Поттере» для близняшек и самолете в Париж

⁶ «Благодарные мертвые» – культовая рок-группа, основанная в Сан-Франциско в 1965 г. На протяжении тридцати лет пользовалась фантастической популярностью и стала объектом массового поклонения среди американской молодежи – тысячи поклонников сопровождали музыкантов повсюду, где они выступали со своими знаменитыми «импровизациями».

и не назвала мне ни одного конкретного человека, к которому я могла бы обратиться, я интуитивно почувствовала, что над моими выходными нависла нешуточная угроза. Она, как обычно, без предупреждения повесила трубку, а я в панике посмотрела на Эмили.

– Ну что, что она сейчас сказала? – простонала я, презирая себя за то, что не отважилась переспросить саму Миранду. – Ну почему я ничего не могу понять, когда она говорит? Ведь это на меня не похоже, Эм. Ведь я говорю по-английски, что называется, с пеленок. Это она специально, хочет, чтобы я рехнулась.

Эмили посмотрела на меня с обычным выражением неприязни и сожаления.

– Книга выходит завтра, сами они купить ее не могут, потому что находятся в Париже, поэтому Миранда хочет, чтобы ты достала два экземпляра и привезла их в Тетерборо. Оттуда их самолетом доставят в Париж. – Она говорила холодно и четко, опровергая мое утверждение о нелепости инструкций Миранды. Я в очередной раз убедилась, что Эмили сделает все – абсолютно все – для того, чтобы Миранда чувствовала себя хоть чуточку комфортнее. Я закатила глаза и решила сохранять спокойствие.

Поскольку я не собиралась жертвовать ни секундой своего заслуженного отдыха на удовлетворение прихотей Миранды, и коль скоро я не знала недостатка в деньгах (ее деньгах) и влиянии (ее влиянии), весь остаток дня я провела, устраивая Гарри Поттеру перелет в Париж. Прежде всего письмо Джулии из «Книг для молодежи».

Дорогая Джулия!

Мой секретарь Андреа говорит, что Вы настоящее сокровище и что я могу обратиться к Вам со своей просьбой. Она сообщила мне, что Вы и только Вы можете завтра прислать мне два экземпляра этой чудесной книги. Знайте, что я очень высоко ценю Ваш труд и Вашу компетентность. Подумайте, какую радость Вы доставите моим милым дочуркам. И не стесняйтесь, непременно сообщите мне, чем бы я могла отблагодарить такую замечательную девушку, как Вы.

С наилучшими пожеланиями

Миранда Пристли.

Я подделала ее подпись, безукоризненно вывела росчерк (сказались долгие часы тренировки, когда Эмили стояла надо мной и показывала, как нужно выводить финальную закорючку), приложила к записке свежий номер «Подiums» (он еще даже не появился в журнальных киосках) и велела курьеру доставить пакет в офис «Книг для молодежи». Если это не сработает – значит, ничто не сработает, Миранде было безразлично, что мы подделываем ее подпись, – это избавляло ее от лишней возни; но она, наверное, посинела бы от злости, если бы узнала, что я поставила ее имя под таким любезным посланием.

Три недели назад я бы тут же отменила все свои планы, если бы Миранда позвонила и сказала, что я понадоблюсь ей в выходные, но сейчас я уже знала, что к чему, во мне не осталось прежнего энтузиазма, и я не так неукоснительно следовала правилам. Раз уж Миранды с девочками не будет в аэропорту в Нью-Джерси, когда туда приедет «Гарри», я не вижу причины везти его туда самой. Действуя по наитию и умоляя Бога, чтобы Джулия прислала мне эти два экземпляра, я занялась деталями. Звонок, еще звонок – и в течение часа план был готов.

Брайан, секретарь редакции, в течение двух часов получит указания Джулии и возьмет с собой домой два редакционных экземпляра «Гарри Поттера», чтобы не пришлось ехать за ними в субботу. Книги будут у привратника, и около одиннадцати часов я пошлю за ними машину. После этого Юрий, водитель Миранды, позвонит мне на сотовый и подтвердит, что получил сверток и везет его в аэропорт Тетерборо, откуда книги на личном самолете мистера Томлинсона отправятся в Париж. Я хотела даже присвоить всей операция

какое-нибудь кодовое название, чтобы это еще больше походило на фильмы про шпионов, но вовремя вспомнила, что Юрий плоховато говорит по-английски и может запутаться. Я узнала даже, насколько быстро может осуществить доставку экспресс-почта «Ди-эйч-Эл»: выходило, что не раньше понедельника, а это было абсолютно неприемлемо. Только самолет. Если все пройдет как надо, маленькие Кэссиди и Каролина откроют глазки и, попивая молочко в постели, будут читать о приключениях Гарри в воскресенье утром – а значит, на целый день раньше, чем все их друзья. И мысль об этом грела мне душу – на самом деле грела.

Через несколько минут после того, как я договорилась со всеми нужными людьми, мне позвонила Джулия. Хотя подобные поступки строго наказуемы и у нее, вероятно, будут из-за этого неприятности, она с радостью посылает два экземпляра для миз Пристли. Аминь.

– Нет, ты только подумай, он обручился! – объявила Лили, перематывая пленку с только что просмотренным «Феррисом Бюллером». – Ну вот нам с тобой, слава Богу, по двадцать три года, к чему такая дикая спешка?

Лили никогда не ругалась. Это было, пожалуй, единственное, что меня в ней раздражало. Это и еще недавно развившееся стойкое желание говорить о своем «бывшем» – хотя последнее в свете нынешних обстоятельств было объяснимо.

– В самом деле странно. Может, девушка залетела?

– Хм... да, может быть, если только его на это хватило. – Она хихикнула. – В чем я весьма сомневаюсь, уж поверь мне.

– Да уж. А может, мама с папой не захотели подпускать Тимми к трастовому фонду, пока он не остепенится? Это могло подвигнуть его надеть кольцо на палец. А может, ему просто одиноко?

Лили посмотрела на меня и засмеялась.

– Ну да, единственное, чего никак не могло произойти, так это того, что он влюбился и захотел провести рядом с ней всю оставшуюся жизнь. Это мы уже установили, не так ли?

– Точно. Это мы отмечаем. Какие еще будут предположения?

– Значит, так. Пришла пора снять покров тайны. Он голубой. Он наконец-то это понял – мне-то уж с самого начала все было ясней ясного, – и еще понял, что мама с папой этого никогда не поймут. Вот он и решил замаскироваться: женился на первой подвернувшейся девушке. Ну, как тебе объясненьице?

Следующей по списку шла «Касабланка», и, пока Лили перематывала титры, я делала нам горячий шоколад на крохотной кухоньке в ее однокомнатной квартирке в Морнингсайд-Хайтс. Мы пролежали пластом всю ночь с пятницы на субботу, поднимаясь только для того, чтобы закурить сигарету или поставить еще один блокбастер. В субботу, уже после полудня, в нас наконец скопилось достаточно энергии, чтобы на пару часов выбраться в «Сохо». Мы купили себе по новой маечке для грядущей новогодней вечеринки и одну большую кружку гоголя-моголя в открытом кафе. Наконец мы вернулись домой, падая от усталости, но в отличном настроении, и весь остаток вечера провели перед телевизором, переключая то на «Когда Гарри встретил Салли», то на «Субботним вечером в прямом эфире». Я так хорошо расслабилась, так плотно отгородилась от всех ничтожных переживаний, которыми в последнее время была заполнена моя жизнь, что начисто забыла об операции «Гарри Поттер» – пока в воскресенье не зазвонил телефон. Ох, Господи, это Она! Тут я услышала, что Лили говорит с кем-то по-русски, наверное, с кем-то из университета. Это был ее сотовый телефон. Спасибо, спасибо тебе, милосердный Боже, это не Она! Но мне некогда было расслабляться. Было уже утро воскресенья, а я понятия не имела, попали ли эти чертовы книги в Париж. Я так была рада освободиться, что даже забыла это проверить. Конечно, телефон у меня был включен и поставлен на самую большую громкость, но вряд ли кто-то позво-

нил бы мне, чтобы рассказать о возникших трудностях, – разве только если решить их было уже невозможно. Мне следовало принять превентивные меры и, войдя в контакт с каждым задействованным лицом, убедиться, что наш тщательно разработанный план сработал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.